Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Константин Симонов

Доброе имя

Доброе имя

Константин Михайлович Симонов

Аннотация
Константин Симонов. Доброе имя. Комедия в трех действиях, пяти картинах
Действующие лица
Действие первое
  Картина первая
  Картина вторая
Действие второе
  Картина третья
Действие третье
  Картина четвертая
  Картина пятая

Аннотация

В центре многонаселенной производственной пьесы «Доброе имя» разногласия коллег по поводу одного из «писем-сигналов», поступивших в редакцию. Толком не разобравшись в сути дела и не послав корреспондента в университет, из которого поступила жалоба на одного из преподавателей, газета поспешила опубликовать едкий фельетон, вследствие которого человек лишился должности. Получив многочисленные письма в поддержку преподавателя от его студентов, журналисты ведут себя по-разному: руководство и часть сотрудников считают, что опровержение фельетона испортит репутацию газеты и не реагируют, другие же — в первую очередь, беспокоятся за судьбу человека, которого они, возможно, оболгали.

Константин Симонов
Доброе имя
Комедия в трех действиях, пяти картинах

Действующие лица

Вера Ивановна Крылова — заведующая отделом писем в областной газете, 30 лет.

Дима — ее сын, 10 лет.

Василий Степанович Широков — разъездной корреспондент газеты, 37 лет.

Петр Петрович Брыкин — друг Широкова, заместитель редактора газеты, 38 лет.

Николай Борисович Черданский — исполняющий обязанности ответственного секретаря газеты, 45 лет.

Антон Андреевич Дорохов — редактор газеты, 45 лет.

Константин Акопович Акопов — заведующий промышленным отделом газеты, 48 лет.

Сергей Сергеевич Санников — литературный сотрудник, 22 лет.

Катя — секретарь отдела писем, 19 лет.

Тамара Филипповна — дежурный секретарь, 55 лет.

Анна Аветиковна — жена Акопова, акушерка, 50 лет.

Таня — жена Брыкина, 27 лет.

Илларион Алексеевич Трапезников — главный режиссер театра, под 60 лет.

Александра Викторовна Трапезникова — его жена, заслуженная артистка республики, 50 лет.

Андрюшин.

Пожилой человек.

Посетитель в очках.

Кронид Иванович Твердохлебов — доцент, геолог, 40 лет.

Место действия — областной город в северной части России.

Время действия — наши дни.

Действие первое

Картина первая

Однодневный дом отдыха в окрестностях областного города. Двухэтажный оштукатуренный дом. Веранда. Клумбы. Несколько скамеек и шезлонгов. Влево уходит аллея, направо виден штакетный забор, калитка. Вечереет. В шезлонге ***Черданский*** *— крепкий мужчина с живым, подвижным лицом. Напротив него на скамейке* ***Санников****. Черданский сидит развалясь, с трубкой в зубах. Санников — весь внимание, преданно слушает его.*

Черданский. Всю жизнь мечтал сидеть вот так после обеда, не спеша курить трубку… И не в однодневном доме отдыха, как сегодня, а каждый день. А вместо того всю жизнь жевал редакционные бутерброды и пил редакционные чаи. Но газета — это газета, Сережа, и настоящий газетчик ее не бросает, даже если черствые бутерброды и черствые редактора укорачивают его жизнь. Настоящий газетчик так или иначе умирает в пятьдесят — в буквальном или в переносном смысле слова.

Санников. Ну, вы, Николай Борисович, по-моему, еще лет двадцать будете работать, как зверь.

Черданский *(усмехнувшись).* Тут? Как зверь? *(Набивая трубку.)* Конечно, на здешнем уровне моя старая газетная хватка выглядит чем-то особенным, почти опасным. А я живу тут вот уже десять лет и думаю: семечки! Разве так можно делать даже эту областную газету? Семечки! Курорт!.. *(Вдруг.)* Где у вас сердце?

Санников *(недоуменно прижав руку к груди).* Здесь.

Черданский. А сердце газеты не имеет определенного местопребывания. У газеты блуждающее сердце: оно то здесь, то там. И иногда оно, простите, бьется не в редакторском кабинете, а за скромным столом ответственного секретаря. *(С ироническим полупоклоном.)* Это, как говорится, не для стенограммы, но, пока я жив, получше приглядывайтесь и к моим достоинствам и к моим недостаткам; все вместе взятые они как раз и образуют то, что называется настоящим газетчиком.

Санников. Мне еще учиться и учиться!

Черданский. Ничего! У вас уже появилась газетная хватка. На последней летучке вы неплохо разделали Крылову за эти нудные читательские письма, которые она через мою голову все-таки сунула в газету! Верно выступили!

Санников. Я — как вы посоветовали. *(Вертит в руках трубку.)*

Черданский. Что это вы — перешли на трубку?

Санников *(неуверенно).* Перехожу понемногу.

Черданский. Тогда возьмите моего табаку. *(Протягивает кисет.)* Газетчик не может знать всего на свете, но взамен у него должно быть чутье. И тут уж одно из двух: или оно есть, или его нет…

Входит ***Широков*** *— рослый, загорелый, слегка сутуловатый. Одет небрежно: грязные ботинки, подвернутые внизу старые брюки и хороший новый пиджак с набитыми всякой всячиной карманами. В руках у него удочки и полная рыбы авоська. Он чуть заметно навеселе.*

Скажи-ка, рыболов, как, по-твоему, — нужно газетчику чутье или ему нужен только диплом о высшем образовании и любовь месткома за хорошее поведение?

Широков *(вешая авоську на спинку скамейки).* Любовь месткома — вещь полезная, но чтобы ее заслужить, нужно иметь хорошее поведение, которого у нас с тобой нет, так же как и достаточного образования. Остается ссылаться на чутье, что, как я вижу, ты и делаешь… *(Санникову.)* Сережа, говорил вам Николай Борисович, что газетчик

умирает в пятьдесят?

Санников *(нерешительно).* Говорил…

Широков. Не верьте ему! Он преспокойно доживет до восьмидесяти.

Черданский *(усмехнувшись).* Откуда столь точные сведения?

Широков. Чутье бывшего фронтовика. Такие люди, как ты, не любят умирать раньше других.

Черданский. А такие, как ты?

Широков. А такие, как я, любят выпить по воскресеньям, в особенности если рыбалка, да такая хорошая, как сегодня. Такие, как я, предпочитают молча сидеть над поплавком *(подмигнув Санникову)*, чем делиться с молодыми людьми своим незаконченным гимназическим образованием.

Санников *(с неожиданной решимостью).* По-моему, Василий Степанович, не только мне, но и вам еще есть чему поучиться у Николая Борисовича! *(Встает.)*

Широков *(миролюбиво).* А я уже. *(Кивнув на Черданского.)* У него ведь курс обучения годичный. За год все, что знает, расскажет, а потом все с начала — как шарманка! *(Черданскому.)* Верно я говорю?

Черданский. С рыбаками выпивал?

Широков *(добродушно).* Уха была!

Смерив Широкова уничтожающим взглядом, ***Санников*** *уходит.*

Черданский. Нашел при ком показывать свое остроумие!

Широков. А я нарочно. Дай, думаю, подорву твой авторитет, а то еще забьешь мальчишке мозги всякой чепухой… Хочешь, скажу, как по нотам, все, что ты ему говорил? Что газета у нас скучная. Что тебя не ценят. То ли дело было раньше — во время оно! И заголовки были гениальные и редактора отчаянные. А теперь все не так. Только ты один такой зубр остался. Вымираешь, вымираешь, и все никак не вымрешь!

Входит ***Тамара Филипповна*** *в летнем, очень ярком платье, с книгой в руках.*

Черданский. Присаживайтесь, Тамара Филипповна.

Тамара Филипповна. Я, если вы успели заметить, после обеда всегда стою. Хотела поболтать с нашими редакционными девушками, но они *(иронически)* предпочитают волейбол.

Широков *(встает).* Необразованность, Тамара Филипповна.

Тамара Филипповна. Несмотря на вашу иронию, вы не так уж далеки от истины.

Широков. Что вы читаете?

Тамара Филипповна. Метерлинка. *(Хочет показать Широкову книгу, но раздумывает.)* В подлиннике — по-французски. *(Удаляется.)*

Широков. Второй год читает и, по-моему, всегда посредине, чтобы держать было удобней. Ох, смерть не люблю интеллектуальных дам! И чего только она у тебя в секретаршах застряла?

Черданский. Ничего удивительного. Приехала в эвакуацию, интеллигентный человек, я ее немножко знал еще по Ленинграду. Образования у нее не отнимешь…

Широков. И отнимать нечего — обыкновенная малограмотная гусыня. Наверное, ходит вокруг тебя, хлопает крыльями и гогочет — вы, Николай Борисович, у нас единственный интеллигентный человек, разве вас здесь понимают? А ты и таешь!

Черданский. Ладно, пусть таю. А что, положа руку на сердце, разве меня здесь ценят? Почему Брыкин, у которого газетный опыт — вот! *(показывает пальцами, какой маленький опыт у Брыкина)* — и сразу из партийной школы в заместители редактора, а я, горбом дослужившись до ответственного секретаря, все еще не утвержден обкомом? Третий год исполняю обязанности!

Широков. Так у тебя же два выговора было.

Черданский. Было, да сплыло. Не ошибаются только бездельники!

Широков. Ну, значит, теперь утвердят. Чего ты расстраиваешься?

Черданский. Мне утверждение не для денег и не для славы нужно. А чтобы Брыкин перестал меня цукать, как маленького, чтобы я тоже мог, в случае чего, по столу кулаком!

Широков. Зря ты так о Брыкине. Газетчик он, конечно, еще молодой, но замначполитотдела дивизии был замечательный!

Черданский. Еще бы! Забыл, что вы дружки-приятели. Нашел, кому жаловаться!

Широков. Дружки — дружками, а за газету он неплохо взялся, гвоздит с утра до ночи.

Черданский. Гвоздит, да не туда! Если бы не я — в два счета засушил бы газету. Или превратил бы ее вместе с Крыловой в сплошной почтовый ящик для читательских писем!

Широков *(улыбнувшись).* Не любишь отдела писем?

Черданский. Зато ты кое-кого там слишком любишь.

Широков. Эй, полегче на поворотах!

Черданский. Ты лучше ей, дорогой твоему сердцу Вере Ивановне, скажи, чтобы она полегче

на поворотах. А то она мне по твоему же фельетону такое письмо предъявила… Не женщина — следователь!

Широков. А в чем дело-то?

Черданский. Ни в чем. В чепухе. Не хочу об этом сегодня — все-таки воскресенье. Скажи лучше, как у тебя с ней роман подвигается? Или похвастать нечем?

Широков. Хвастать такими вещами не приучен.

Черданский. Значит, нечем! *(Оглядывается.)* Вон Акопов идет! *(Кричит.)* Эй, партийное руководство, иди поближе к массам!

*По аллее шагает **Акопов**, грузный, медлительный брюнет в плотном черном костюме; в руках у него гитара.*

Акопов. Черт его знает! Наверное, тут или повар, или сторож играет. Каждый выходной настраиваю, и всегда опять расстроена. *(Подвинчивает колки.)*

Широков. Ну, что ты опять в черном?

Акопов. Север, милый!

Широков. Север-то север, да ведь жара.

Акопов. Значит, привычка, милый, жена приучила. Встаю утром в воскресенье — а он уж висит выглаженный, неудобно не надеть. *(Пробует*

струны.) Все-таки, наверное, повар. Он, по-моему, здесь главный ухажер.

Черданский. А ты, ухажер, тоже собираешься, кажется, играть?

Акопов. Да. И петь буду. Наши девушки просили после ужина.

Черданский. А что жена скажет?

*Входит **Анна Аветиковна**. Она, как и Акопов, полная, черноволосая, с неторопливыми движениями. Сев рядом с мужем на скамейку, обнимает его одной рукой.*

Анна Аветиковна. А я ему ничего не скажу. Он все равно для меня поет.

Акопов. Спеть? *(Делает вид, что хочет стать на одно колено.)*

Анна Аветиковна. Не надо! Ты же у меня старый, потом задыхаться будешь.

Акопов легко встает на одно колено, берет аккорд.

Ну, сядь, пожалуйста!

Акопов садится.

Черданский *(с улыбкой).* Да-с, любовь-с!

Анна Аветиковна. И не «да-с», и не «с», а остальное верно. *(Разглядывая Широкова.)* Что это у вас вид невыспавшийся?

Широков. Рано встал. Сейчас пойду, примо-

щусь где-нибудь и сосну часок дополнительно. Люблю поспать. Хорошо это или плохо, Анна Аветиковна?

Анна Аветиковна. Хорошо. Константин Акопович всегда, когда может, спит после обеда.

Широков. А раз Константин Акопович так делает, стало быть, это и вообще хорошо?

Анна Аветиковна. Конечно.

Широков. А почему вы Константина Акоповича заставляете по воскресеньям этот черный костюм надевать?

Анна Аветиковна. Потому что я его в другие дни мало вижу. Пусть при мне в воскресенье ходит в парадном костюме.

Широков. А если жарко?

Анна Аветиковна. Ничего, пусть терпит.

Широков. Правильный вы человек, Анна Аветиковна.

Анна Аветиковна. Конечно.

Широков *(перевесив авоську с одного конца скамейки на другой, ближе к Акоповой).* Прошу принять в знак моих чувств рыболова и человека. А авоську пришлите завтра с Константином Акоповичем, она чужая. *(Уходит.)*

Анна Аветиковна *(после молчания).* Хороший человек.

Черданский. Неплохой, но, как бы сказать... бесцельный. Спросите его, чего он хочет? Ничего он не хочет. До войны — разъездной корреспондент. С войны вернулся — опять разъездной корреспондент. А ведь три ордена получил за войну. Мог бы и двинуться! *(Взмахом руки изображает лестницу.)*

Акопов *(повторив жест Черданского).* А если он не хочет двигаться? Если он просто писать хочет?

Анна Аветиковна. А, по-моему, ему просто надо жениться. Сколько же можно так жить? Вон даже авоська у него и та чужая! *(Встает.)* Ну, ты мне уже надоел, Константин, — отнеси рыбу на кухню, а я пойду играть в волейбол. Приходи судить. *(Уходит.)*

Акопов *(Черданскому).* Зачем звал?

Черданский. А-а, уже прошло.

Акопов. А все-таки?

Черданский. Так. От нечего делать с Широковым заспорили. Плохо, видишь ли, что я назад гляжу, что, по-моему, мы в наши с тобой молодые годы газеты веселее делали, чем сейчас. А теперь у меня от одного брыкинского взгляда фельетоны киснут: это не подтверждено, это не разъяснено, это слишком обидно, то слишком крикливо. Ну,

да бог с ним, с Брыкиным, — он в газете без году неделя! А вот скажи ты, но только по совести: когда тебе было интересней работать в газете — в тридцатые годы или сейчас?

Акопов. Как тебе сказать? Конечно, я тогда моложе был, но, в общем, все-таки сейчас интересней.

Черданский. Чем? Нет, ты вспомни! Бригады «легкой кавалерии», всякие затеи, штурмы, рейды, «шапки» на всю полосу. По два фельетона в номер! Одним словом, первая пятилетка!

Акопов. А сейчас, одним словом, вторая послевоенная. Что ты этим «одним словом» хочешь сказать?

Черданский. Хочу сказать, что мне тогда интересней было.

Акопов. А мне сейчас. И, между прочим, могу вполне научно объяснить, почему. Вот я всю жизнь сижу на промышленности. И все, что мы тогда построили, — все при нас, никуда не девалось! Но то, что мы сейчас строим, — тогда нам такого еще и не снилось! Значит, в жизни интересней стало? А почему же в газете скучней будет? Ничуть мне не скучней. Сложней — это другое дело. Иногда почитал бы на ночь «Трех мушкетеров», а берешь «Принципы скоростного

резания». А лет уже не двадцать — это верно.

Черданский. А ну тебя! Больно вы все умные и серьезные стали! Один я дурак! Как двадцать лет назад горел на работе, так и сейчас горю, как свеча!

Акопов. А ты не расстраивайся. Вот закончим Куйбышевскую ГЭС — переведем и тебя на электрическое освещение.

*Входит **Крылова**, в блузке с короткими рукавами, в тапочках.*

Крылова. Ух, устала! *(Садится в шезлонг.)*

Акопов. А где моя?

Крылова. Сидит там, на площадке, и отдышивается. Нет, отдыхивается. Нет, тоже неправильно. А как будет правильно, в настоящем времени?

Акопов *(смешно надув щеки).* Отдувается. В настоящем времени для людей нашего с ней возраста — это самый правильный глагол. *(Уходит, захватив авоську.)*

Черданский. Эх, вы, а еще бывший корректор!

Крылова. А как? А впрочем, вы всегда так — только критикуете, а подсказать — никогда!

Черданский. А у меня со вчерашнего дня пропала всякая охота вам что-нибудь подсказывать!.. Вы слишком мало доверяете тому, что говорю вам я, человек, состарившийся в газете, отдавший ей

всю свою жизнь, и слишком легко верите любой бумажке с улицы. По поводу этого студенческого письма о доценте Твердохлебове вы вчера говорили со мной так, что я подумал — вам невесть как хочется, чтобы этот негодяй оказался не склочником, а ангелом во плоти, а мы с фельетоном Широкова оказались в дураках.

Крылова. Неправда! Я больше всего на свете хочу, чтобы мы были правы. Но у Широкова в фельетоне написано, что Твердохлебов самодур и склочник, а студенты пишут, что это неправда! Меня это письмо взволновало, а вас — нет. Почему?

Черданский. А потому, наивное вы существо, что за этим письмом чувствуется опытная рука потерпевшего! Потому, что именно вот такой опытный склочник, как этот Твердохлебов, наверняка, сам организовал все эти наивные студенческие подписи под письмом! А вы ему верите! Да еще меня этим письмом тираните!

Крылова. Так проверьте его, чтоб и у меня и у вас была спокойна душа! Вот вы всегда так с письмами! Я вам его принесла, как получила, а вы мне спустя неделю сказали, что еще не прочли. Почему! А потом сказали, что прочли, но не успели заняться. А потом, что ответите в по-

недельник. А потом — что в субботу. А в субботу попросту сбежали от меня.

Черданский. Староват я от вас бегать!

Входит ***Катя*** *— тоненькая, очень серьезная девушка.*

Катя. Вера Ивановна!

Крылова. Подожди, сядь. *(Черданскому.)* Ведь по нашему фельетону, если все правда, его должны снять с работы.

Черданский. Обязательно.

Крылова. И поставить вопрос о пребывании в партии?

Черданский. Желательно.

Крылова. Ну, а вдруг...

Черданский *(перебивая).* Вера Ивановна, мне вдруг захотелось спросить у вас: какой сегодня день?

Крылова *(сразу не поняв).* Воскресенье...

Черданский. Благодарю вас.

Входит ***Дорохов*** *— широкоплечий, плотный, толстеющий человек с помятым сонным лицом, с подушкой подмышкой и одеялом через плечо.*

Дорохов *(добродушно).* Уже издали слышу — опять воюете? И опять с Черданским? Запрещаю редакторской властью. Пощадите хоть в выходной.

Крылова. А зачем он письма маринует? Разве нам их для того пишут? У меня вот Катя по субботам ночами сидит, адреса печатает и конверты клеит, чтобы ответы до понедельника не лежали. А он маринует!

Дорохов *(Черданскому).* Чувствую, пропала моя голова, Николай Борисович! Пойдем, что ли, с горя шары погоняем. Сейчас только подушку… а хотя можно ее и в биллиардной прикинуть.

Черданский встает и идет вслед за ним.

До чего ж в гамаке спать хорошо, просто удивительно!

Оба *скрываются в дверях дома.*

Катя. Вера Ивановна, почему он всегда на наш отдел нападает? И почему этот Санников — тоже хорош! — подпевала его, а еще комсомолец? Почему он против вас на летучке выступал, что вы без разбору чуть ли не все письма к печати предлагаете?

Крылова. Он был отчасти прав. Я действительно *(улыбнувшись)* иногда, кажется, всю бы газету из одних писем составила!

Катя. А почему он с такой подковыркой говорил? Это его Черданский научил. А он Черданскому в рот смотрит. Ненавижу!

Крылова. И давно ненавидишь, Катенька?

Катя. По работе! Принципиально!

Крылова. А за что любишь?

Катя. А я его вовсе не люблю. И не любила никогда.

Крылова. Никогда?

Катя *(решительно).* Никогда! *(Подумав.)* Зимой любила, когда он только в редакции появился. А весной уже не любила.

Крылова. Почему?

Катя. Я же говорю вам: принципиально. Чего он с Черданского обезьянничает?

Быстро входит ***Санников****. Судя по выражению его лица, он искал Катю.*

Крылова *(увидев Санникова, встает).* Сергей Сергеевич, вы не видели Широкова?

Санников *(довольный тем, что его назвали по имени и отчеству).* Нет, Вера Ивановна. Может, поискать его?

Крылова. Нет, спасибо, я сама найду. *(Идет к дому.)*

Катя *(вдогонку, отчаянно).* Вера Ивановна, я с вами!

Крылова *(повернувшись, на ходу).* Да нет, я уж как-нибудь одна. *(Уходит.)*

Катя. Тогда я вас тут подожду. *(Снова садится на скамейку.)*

Санников *(подходит к шезлонгу).* Можно сесть?

Катя. По-моему, никто не мешает.

Санников *(сидит в шезлонге в той же позе, в какой сидел Черданский, достает трубку и солидно набивает ее табаком).* Да, газета есть газета. Даже в выходной день о ней думаешь.

Катя явно хочет что-то сказать, но находит в себе силы промолчать.

Газета есть газета.

Катя *(скороговоркой, подняв глаза к небу).* Стул есть стул. Стол есть стол. Столб есть столб.

Санников. Грубо.

Катя *(продолжая глядеть в небо).* Как аукнется, так и откликнется.

Санников. Это вы о чем?

Катя. А о твоем выступлении на летучке. *(После паузы.)* Этому тебя тоже Черданский научил?

Санников. Чему научил?

Катя. Трубку курить.

Санников *(солидно).* Я курю с юности.

Катя. С детского сада? Да?

Санников. Немножко позже. И вообще тема для разговора, по-моему, мало интересная.

Катя демонстративно встает.

Катя? *(Вдруг жалобно.)* Ну что ты, в самом

деле?

Катя. Кури свою трубку.

Санников порывается к ней.

Не подходи! И вообще не подходи ко мне, пока я не успокоюсь.

Санников. Когда же ты успокоишься?

Катя. Может быть, к тому воскресенью. Не раньше. *(Решительно уходит.)*

Санников, рухнув в шезлонг, неумело пытается раскурить погасшую трубку. Входят ***Крылова*** *и* ***Широков****. Увидев их,* ***Санников*** *встает и, засунув трубку в угол рта, уходит с независимым видом.*

Крылова. Даже не сказали, что вернулись. От других узнала.

Широков. А я думал еще дня три с Брыкиным по колхозам поездить. А он вдруг вчера погнал домой, говорит, довольно, наездились, возвращайся и пиши очерк.

Крылова. А вы вернулись и сразу на рыбалку? Ну, а зачем пили?

Широков. Так ведь рыбалка! На работу пьяным не хожу!

Крылова. Ну, вот и опять голова болит? Да?

Широков. Нет, сейчас поспал — не болит. Ничего, к утру напишу. Ну, как — кончилась проработка?

Крылова. Когда хорошо относишься к человеку… *(Взглянув прямо в глаза Широкову.)* Ведь вам очень просто меня обидеть. Вы это хоть понимаете?

Широков. Понимать-то понимаю, но только умней от этого, кажется, не становлюсь.

Крылова. Это верно.

Широков. Что?

Крылова. Умней не становитесь. Как только вы комнату получили, Таня Брыкина вам одеяло дала. Так вы уже сколько и на рыбалки ездили и без рыбалок… а одеяло себе купить так все и не можете.

Широков. Ну, свинья, забыл. Завтра под очерк аванс попрошу, сразу же куплю и отдам. Честное слово!

Крылова. Да разве я о том, чтобы вы отдали? Вы ведь даже новоселье справить не можете, у вас сесть не на что.

Широков. А что мне новоселье, староселье? Я из редакции домой спать хожу, вот и все. А в командировках вообще забываю, что у меня теперь комната есть. Мне даже, если хотите знать, совестно, что Брыкин мне из трех своих комнат одну уступил. Я ему ее верну!

Крылова. А он не возьмет.

Широков. Почему?

Крылова. А потому, что тоже хочет, чтобы вы по-человечески жили.

Широков. Ну, ладно, куплю стулья. Даю слово. Сколько надо стульев покупать?

Крылова. А на что мне ваши стулья в конце концов? Сколько хотите, столько и покупайте.

Широков. Вера Ивановна, не сердитесь!

Крылова. Нет, сержусь. Почему вы, как только выходите из редакции, окончательно на себя рукой машете, как будто все остальное в жизни вообще не важно, — какой вы, с кем бываете, с кем пьете, как живете? По углам паутина, на полу корки и окурки, на подоконнике — ржавый нож и вилка. Соседи заходили к вам, рассказывали. А я и заходить не хочу, пока так.

Широков. А вы зайдите — и все переменится.

Крылова. Не хочу. Эх, вы, — душа нараспашку и рубашка без пуговиц!

Широков невольно пытается застегнуть ворот рубашки.

Не застегивайтесь. Вы не только в этом, вы во всем такой. Говорят, что вы талантливый…

Широков *(прервав Крылову).* Врут, Вера Ивановна, не верьте! Ей-богу врут!

Крылова *(задумчиво).* Не знаю. Мне нравится,

как вы пишете. Может быть, я не понимаю… Но неужели же так и должен делать тот, у кого талант, — писать, вечно не выспавшись, вечно с больной головой, а потом, даже не перечитав, — сразу в редакцию и — с плеч долой, пусть там Черданский все хоть вверх дном перевернет! Что хочет — сократит, что хочет — допишет! Вот и последний ваш фельетон… К нам в отдел уже пришло письмо с протестом, а вам даже не интересно!

Широков. Почему не интересно? Но Черданский говорил мне, что это какая-то чепуха. Вы бы сказали мне раньше, если это серьезно.

Крылова. А я еще сама не знаю — серьезно это или не серьезно. Я только знаю, что вам-то это безразлично.

Широков *(умоляюще сложив руки).* Вера Ивановна!

Крылова. Что? *(Улыбнувшись.)* Сегодня выходной? Да?

Широков. Я так люблю критику шесть раз в неделю, и так не люблю ее по выходным.

Крылова *(вздохнув, прислушивается к долетающим из дома звукам гитары).* Хорошо, пойдемте в дом. *(Встает.)* Только принесите мне мой пиджачок. Он, кажется, остался на волейбольной

площадке. Что-то холодно.

Широков *уходит. Крылова снова садится и, зябко поеживаясь, устало проводит по лицу ладонью.* ***Черданский****, выйдя из дома с чемоданчиком в руках, хочет сделать вид, что не заметил Крылову, и пройти мимо.*

Николай Борисович!

Черданский. Да, Вера Ивановна!

Крылова. Извините, что я вас допекала своими разговорами сегодня, в воскресенье…

Черданский *(небрежно).* Пожалуйста!

Крылова…но я хочу вас честно предупредить, что если вы и завтра не ответите на это письмо, я пожалуюсь на вас прямо редактору.

Черданский. И на том спасибо. *(Иронически кланяется.)*

Входит ***Широков*** *с жакетом.*

Крылова. Пойдемте.

Широков *(полуоборачиваясь к Черданскому).* А ты что, уже уезжаешь?

Черданский. Да, я уже отдохнул сверх головы.

Широков *и* ***Крылова*** *уходят в дом. По аллее идет* ***Тамара Филипповна*** *с книгой, подходит сзади к задумавшемуся Черданскому.*

Тамара Филипповна. Николай Борисович, вы не собираетесь идти пить чай?

Черданский *(вздрогнув от неожиданности).* Нет, не собираюсь.

Тамара Филипповна. Что с вами, Николай Борисович? Раньше вы бывали любезнее.

Черданский. Раньше со мной бывали любезнее.

Тамара Филипповна. Пойдемте в парк, посидим, я вам почитаю вслух Метерлинка. Это так успокаивает. Особенно в подлиннике…

Черданекий *(яростно).* Сделайте одолжение, успокойте меня, идите, читайте Метерлинка, не Метерлинка, кого хотите, в подлиннике, в переводе, как хотите, только одна, без меня. Понимаете? Извините. Хорошо? А?

Тамара Филипповна *уходит, растерянно оглядываясь на Черданского. Из дома выходит* ***Дорохов****, присаживается на скамейку, обтирает мел с рукава.*

Дорохов. И у повара тоже выиграл, даром, что он тут каждый день тренируется! А кии плохие — надо наклейки менять. Ну что, в город, что ли? Захватить?

Черданский. Если не возражаете.

Дорохов. Что же возражать, заедем ко мне, жена, наверное, чего-нибудь к вечеру сообразила, знает, что я весь день с народом. А при народе у

меня закон — не пью. *(Взглянув на Черданского.)* Почему скучный?

Черданский. Опять Крылова со своими письмами допекала.

Дорохов. А ты, между прочим, к письмам будь повнимательней. Письма — они, знаешь! Вот, ведем с тобой в газете кампанию против склочников — и кое у кого наверху уже неплохое мнение складывается. А одна ошибка — и все можно подмочить, весь авторитет газеты! Ты учти это! *(Встает.)*

Черданский. Не беспокойтесь! Пока я это дело веду, авторитет газеты подмочить никому не дам! *(После паузы.)* Антон Андреевич! Хочу спросить тебя откровенно, по-товарищески: когда же наконец меня в обкоме утвердят?

Дорохов. Да, похоже, что скоро, — настроение вроде в твою пользу. *(Направляется вместе с Черданским к калитке.)*

Черданский останавливается, вглядывается вдаль.

Черданский. Санников!

Входит ***Санников****.*

Сергей Сергеевич, чтобы не забыть, — завтра прямо с утра вызовите телеграммой этого преподавателя, который дал нам материал к фельетону

о Твердохлебове. Пусть приедет, и чем скорее, тем лучше.

Санников. А как его найти? Он говорил, что уезжает куда-то в отпуск.

Черданский. Что вы — дитё школьного возраста или газетчик? Он мне нужен — значит, найдите его.

Санников *(неуверенно, но громко).* Будет сделано. *(Уходит.)*

Когда ***Дорохов*** *и* ***Черданский*** *скрываются за калиткой, в аллее с книгой в руках показывается* ***Тамара Филипповна*** *и долго смотрит им вслед. Из открытого окна доносятся звуки гитары и рояля. Захлопнув книгу и придерживая двумя пальцами краешек платья, Тамара Филипповна делает такое движение, словно она сейчас закружится в вальсе, но, опасливо взглянув на окна, снова раскрывает книжку и медленно, со своим обычным неприступно-жалким видом проходит мимо дома.*

Картина вторая

Кабинет ответственного секретаря редакции. Письменный стол. Шкаф с энциклопедиями и комплектами газет за многие годы. Комплекты лежат еще и на подоконнике. К одной из стен придвинут вплотную длинный стол, тоже загроможденный комплектами газет. По другим стенам — полдюжины стульев. Письменный стол завален газетными полосами и гранками. ***Черданский*** *работает за ним без пиджака. Поздний вечер.*

Черданский *(прикладывает к газетной полосе линейку строкомера).* Еще двадцать строк надо сократить. *(Ожесточенно черкает карандашом.)*

Входит ***Акопов*** *с перегнутой пополам газетной полосой в руках, в приподнятых на лоб очках.*

Ну, что?

Акопов *(садясь против него на стул и протягивая ему полосу, резко).* Это я тебя спрашиваю, что? Ты что же с нашим материалом сделал?

Черданский. Сократил, что не влезало. Двадцать пять лет это делаю.

Акопов. Слушай, а ты читал статью? Или только сокращал? Ты же самую суть вырезал!

Черданский. Что было скучным, то и вырезал. Надо иногда и читателя пожалеть!

Акопов. А ты его лучше не жалей. А то он тебя за такую работу в конце концов так пожалеет!

Черданский *(вставая).* Знаешь что, Константин Акопович, не путай свой кабинет с моим и заседание партбюро с выпуском номера. Там последнее слово за тобой, а здесь, уж извини, — за мной!

Акопов. А я не путаю, Николай Борисович. Я просто не имею привычки, когда из комнаты в комнату перехожу, в одной одним быть, а в другой — другим. *(Улыбнувшись.)* А что на партбюро тебя немножко прижал за то, что плохо учишься, так ты не обижайся... *(Показывает на полосу.)* Только лишнее доказательство, что я прав.

Черданский *(сдержав себя, примирительно).* Эх, посидел бы ты в моей шкуре за этим столом... Ладно. Делай сам, как хочешь, но чтобы через пятнадцать минут ста строк не было. Не забудь, что у нас газета завтра выходит.

Акопов *(взяв полосу).* А я уже тридцать лет работаю, и тридцать лет газета завтра выходит. Раньше чем через час не сделаю — вопрос серьезный. *(Уходит.)*

Черданский. Час ему нужен сто строк сокра-

тить! Вопрос серьезный! Тоже мне — академия наук!

Входит ***Санников****.*

Полосы читаю!

Санников. Вы сказали, что в любое время.

Черданский *(подняв голову).* А, это вы!

Санников. Этот преподаватель — Андрюшин — пришел.

Черданский. Хоть разорвись! Час он может подождать, пока полосы читаю? *(Решительно.)* Может! Мы его больше ждали. Через час. *(Углубляется в работу.)*

Санников *уходит.*

Входит ***Широков****.*

Черданский. Наконец заявился! Ищут его, ищут по всей редакции… Пришлось фото поставить, так что у тебя в очерк строк сорок не вошло. Я его сократил. Ориентировочно. Сядь, посмотри.

Широков. Ну, сократил и сократил.

Входит ***Крылова****.*

Черданский *(не поднимая глаз от лежащих перед ним полос).* А вдруг я тебе там какой-нибудь розовый закат вырезал? Будешь потом плакать…

Широков. Да ну… *(Увидев Крылову.)* Ну что ж, давай посмотрю. *(Берет полосу и начинает ее просматривать.)*

Черданский *(Крыловой).* Чем могу служить?

Крылова. Я думала, вы уже кончили читать полосы. Завтра!

Черданский. Нет, уж давайте сегодня, а то потом опять скажете, что я бегал от вас весь день!

Крылова. Помните, я вам передавала письмо театральной молодежи? Вы что-нибудь с ним сделали?

Звонок телефона.

Черданский. Одну минуту. *(Берет трубку.)* Да?.. В общем, готовы. *(Нагибается, делает два быстрых вычерка карандашом, загребает полосы и встает.)* Посидите, сейчас договорим.

Редактор зовет. *(Широкову.)* Сократи и неси прямо к нему. *(Уходит.)*

Крылова. Ну как, розовый закат остался?

Широков. Остался. *(Улыбнувшись.)* Я только хотел сказать, что смотреть не буду, а вы вошли — испугался.

Крылова. Я заметила.

Широков. А почему, собственно, испугался — не знаю. Кто вы мне, в сущности? Соседка по квартире и больше ничего. Одеяло я уже купил, а то, что брал, Тане Брыкиной отдал. Живу теперь совершенно независимо, самостоятельно.

Крылова. Василий Степанович, давайте по-

шутим вместе в другой раз. А сейчас я хочу вам сказать, что я получила по вашему фельетону еще одно письмо. От одного доктора наук из Ленинграда.

Широков. И тоже против?

Крылова. Да. Не верит, чтобы Твердохлебов, с которым он в свое время учился, мог стать таким, как вы описываете. Просит ответить, тот ли это Твердохлебов, который кончал с ним в Москве в тридцать пятом году Горную академию.

Широков. А бог его знает, что он кончал. Я в дебрях его биографии особенно не разбирался.

Крылова. Но вы же были там, в Обнорске.

Широков. В Обнорске я был совсем по другим делам и этого Твердохлебова в глаза не видел.

Крылова. Как так?

Широков. А вот так! Ну что вы мне душу выматываете? Приехал из Обнорска, привез очерк, утром снова уезжать. Черданский сунул мне две папки бумаг, сказал, что дозарезу нужен фельетон, просил за ночь написать, выручить газету. Вообще-то это против моих правил — я привык материал своими руками щупать, но раз надо выручить… Не волнуйтесь за меня!

Крылова. За вас? А я за вас не волнуюсь. Я волнуюсь за газету. *(Помолчав.)* Неправда. За вас

тоже волнуюсь…

Входит ***Черданский****.*

Черданский *(Широкову).* Неси скорей очерк, редактор ждет!

Широков *уходит.*

Ну-с, а теперь насчет письма театральной молодежи…

Дверь приоткрывается. В ней — ***Тамара Филипповна****.*

Тамара Филипповна. Можно?

Черданский. Попозже.

Тамара Филипповна. К вам пришел Илларион Алексеевич.

Черданский. Просите!

Тамара Филипповна пропускает в кабинет ***Трапезникова*** *— красивого пожилого мужчину. Черданский идет навстречу.*

Здравствуйте! Присаживайтесь. *(Крыловой.)* Знакомьтесь: Вера Ивановна Крылова — Илларион Алексеевич Трапезников, главный режиссер нашего театра.

Трапезников *(поигрывая голосом).* И немножко актер.

Крылова. Я вас видела последний раз в роли Незнамова.

Трапезников. Сознаюсь, староват для Незнамо-

ва, но что поделаешь, Городничих и Фамусовых хоть пруд пруди, а новых Незнамовых и Чацких все не находится!

Крылова. А может, вы плохо ищете?

Черданский *(спеша смягчить неловкость).* Илларион Алексеевич зашел ко мне как раз в связи с вопросом, который вас интересовал. Как видите, я не всегда и не все откладываю в долгий ящик.

Крылова. Не буду вам мешать. *(Кладет на стол письмо.)* А это посмотрите, когда освободитесь, — снова о Твердохлебове. До свидания. *(Уходит.)*

Трапезников. Кто эта ядовитая женщина?

Черданский. Наша заведующая отделом писем.

Трапезников *(заинтересованно).* От нее что-нибудь зависит?

Черданский. К сожалению, от нее зависит не давать мне покоя. *(Вынимает из ящика стола письмо.)* Вот письмо, опубликовать которое просят ваши молодые люди. Оно прямо касается вас и вашей супруги. Строго говоря, не положено, но чтобы не ходить вокруг да около, — нате, читайте!

Трапезников читает письмо, надев очки и высоко подняв брови. Черданский в свою очередь берется было за письмо, оставленное ему

Крыловой, но почти тотчас же раздраженно отбрасывает его.

Трапезников *(прочитав половину письма, останавливается).* Какая наглость! «Александре Викторовне со сцены нельзя дать меньше сорока…» Сказали бы уж — пятидесяти!

Черданский. А они дальше так и говорят.

Трапезников *(читая)* «…а в некоторых ролях и пятидесяти. Уважая ее талант, мы не хотим, чтобы она компрометировала его, играя роли чуть ли не девочек. Именно уважение…» *(Скомкав в руке письмо.)* Очень ей нужно их уважение!

Черданский. Поаккуратней с письмом, ему еще предстоит храниться в архиве редакции.

Трапезников. В архиве? Этот ужас?

Черданский. Ну да. Надеюсь, в архиве. А что, вы предпочли бы увидеть его напечатанным?

Трапезников. У меня больное сердце, Николай Борисович, не шутите этим.

Черданский *(взял из рук Трапезникова письмо).* Какие уж тут шутки! Вы дальше, дальше читайте — там самое главное! Ведь ваши молодые артисты пишут не просто о том, что Александра Викторовна играет роли не по возрасту, а о том, что вы, взяв первую и, как они заявляют, хорошую пьесу молодого автора, якобы изуродовали

ее — переделали двадцатилетнюю девушку в сорокалетнюю женщину, чтобы ее могла играть Александра Викторовна. Они считают этот вопрос принципиальным и просят именно напечатать их письмо.

Трапезников. Какая неблагодарность! Люди, которым я отдал столько творческого сердца, которые буквально выросли на моих руках…

Черданский. Ну уж и на руках! Вы же только третий год, как из Иркутска.

Трапезников. Все равно. То, что я им дал за эти годы, то, что я вынул из себя и вложил в них…

Черданский *(взглянув на часы).* Илларион Алексеевич, ближе к делу. У меня газета! Что это за пьеса и что вы с ней сделали?

Трапезников. Это вообще не пьеса — это сырой материал, из которого я только сейчас начинаю лепить образы.

Черданский. Ладно, бог с вами, лепите, но это правда, что там была роль на двадцать лет, а вы переделали ее на сорок для Александры Викторовны?

Трапезников. Это была вообще не роль, это начинает становиться ролью только теперь, когда Александра Викторовна ее репетирует. Ни у одной из наших молодых актрис не хватило бы

мастерства для такой роли.

Черданский *(начинает терять терпение).* Ладно, пусть не хватило бы, но все-таки было двадцать, а вы сделали сорок — да или нет?

Трапезников. Да. И не раскаиваюсь в этом.

Черданский. Напрасно. Я бы на вашем месте как раз раскаялся.

Трапезников. То есть как?

Черданский. То есть я бы на вашем месте вернул героиню пьесы в тот возраст, который ей дал автор, освободил бы Александру Викторовну от этой роли и дал роль кому-нибудь из ваших молодых актрис. И сделал бы это поскорей и с хорошим выражением лица, а не с таким, с каким вы сейчас смотрите на меня.

Трапезников *(вставая и слегка заикаясь от волнения).* Я… Николай Борисович… от вас… нашего с Александрой Викторовной друга… от друга нашего театра… не ожидал…

Черданский *(прерывая его).* А чего ж вы от меня ожидали? Что я положу это письмо под сукно? В нашей печати так не принято. Да это и не в моих силах. Вы зарвались. Забыли что еще можно и чего уже нельзя! Будьте уверены, что, если эти молодые люди при вашем характере *(сжав кулак, показывает, какой характер у Трапезникова)*

написали такое письмо, значит, они решились на все!

Трапезников *(деловито).* Вы думаете?

Черданский. Уверен.

Трапезников в волнении ходит, заложив руки за спину.

Проведите ночь в творческих муках, а утром придите в театр и сами объявите, что вы пошли по неверному пути и надо вернуться к первому варианту, или что-нибудь другое, еще благороднее. Вы это прекрасно умеете. А через месяц спокойно ставьте «Анну Каренину» с женой в главной роли. Вот и все. И волки сыты и овцы целы.

В дверь просовывается голова ***Санникова****.*

Санников. Николай Борисович, мы пришли.

Черданский. Заходите через минуту.

Дверь закрывается.

Делайте, как я советую, пока не поздно, омолаживайте обратно героиню. После этого письмо теряет смысл, и дело с концом. А другого выхода у вас нет.

Трапезников. Есть! *(Яростно).* Раз так, я вообще прекращу репетиции этой пьесы и вычеркну ее из репертуара и из сердца!

Черданский. Из сердца ладно, а из репертуара

не советую! *(Встревоженно.)* И не вздумайте авторов письма зажимать. А то я вместе с вами потом не расхлебаю этой…

Входят ***Санников*** *и* ***Андрюшин*** *— худощавый, маленький, болезненного вида, скромно одетый человек лет сорока.*

(Встает, меняет тон.) Прошу учесть мой совет. Всего доброго. Привет Александре Викторовне.

Трапезников *уходит.*

Черданский. Здравствуйте, товарищ Андрюшин. Что это вас по пять дней искать приходится?

Андрюшин. Далеко забрался, в глухомань. Я человек необщительный. Люблю природу.

Черданский. Необщительный, зато писучий. *(Приподняв со стола, прикидывает на руке две папки и снова бросает их на стол.)* Вон сколько тут о Твердохлебове понаписали!

Андрюшин. Первый и, надеюсь, последний раз в жизни. Только из чувства самосохранения. С таким человеком, как он, не только что каждое слово, каждый вздох надо документировать, а не то всех кругом потопит, а сам выскочит.

Черданский. Вот вы документировали-документировали, а против фельетона-то возражения сыплются да сыплются! *(Берет со стола письмо,*

оставленное Крыловой.) Одно, второе, теперь еще третье.

Андрюшин. Вы можете проверить правильность каждого моего слова у нашего директора.

Черданский. Что ж у директора! Директор ваш — не весь свет.

Андрюшин. Что ж, я найду и других лиц, которые подтвердят правильность моих слов.

Черданский. Положение такое: фельетон был резкий, целиком основанный на ваших материалах, за которые вы несете ответственность. На фельетон получены и от студентов и от преподавателей вашего института возражения. Я лично за всеми этими защитительными письмами ясно вижу руку самого Твердохлебова, но доказать это почти невозможно. Зато возможно другое: получить письма других людей, которые согласны с вашей отрицательной оценкой Твердохлебова. Знаете вы таких людей?

Андрюшин *(поглядев на папки).* Я там назвал ряд лиц, у которых такое же мнение о Твердохлебове, как и у меня.

Черданский. Этого мало, что вы называете! Нужно, чтобы они сами себя назвали, написали нам. Твердохлебов организовал письмо студентов, которое мы получили…

Андрюшин. Много там подписей?

Черданский. Не могу вас порадовать — много; но есть же и другие студенты, которые могут высказать свою точку зрения, без подсказок Твердохлебова. Так?

Андрюшин. Если только не побоятся. Кроме того, как я уже говорил вам, наш директор…

Черданский. Ваш директор само собой. От него всего только и требуется — признать фельетон правильным и сообщить, какие меры он принял. Увидите его — напомните ему об этом. На выступления надо откликаться. Это закон нашей печати! Где работал Твердохлебов раньше?

Андрюшин. В Верхнереченске.

Черданский. Есть там люди, которые знают его с той же склочной стороны, что и вы?

Андрюшин. Безусловно. Я вспомню, кто там остался.

Черданский. Если этот опытный склочник организует факты в свою пользу, мы тоже не можем пустить дело на самотек.

Андрюшин. Я пороюсь в памяти и все, что смогу…

Черданский. Вот именно, все, что сможете. И сейчас! Идите с товарищем Санниковым. Нам надо воссоздать картину полностью!

Андрюшин *(дрогнувшим голосом).* Товарищ Черданский!

Черданский. Что еще?

Андрюшин. Только не бросайте меня теперь на полдороге. Вы не знаете, какой это страшный человек. Он меня и так почти сжил со свету. Да разве меня одного! Весь институт от него стонет! Лучше б уж вы этот фельетон не печатали, чем теперь отступать. Лучше б я тихо уехал от него подальше, к черту на кулички. Если вы ему только палец дадите — вам-то что, а меня он живым в землю закопает! Товарищ Черданский, я же к вам пришел с надеждой на защиту! Просто умоляю вас...

Входит ***Брыкин*** *— невысокий, коренастый, в синем шевиотовом костюме, чуть коротковатом ему.*

Брыкин. Николаю Борисовичу привет на боевом посту.

Черданский. Петру Петровичу! *(Выходит из-за стола, жмет руку Брыкину.)*

Санников. Нам можно идти?

Черданский. Действуйте. Потом зайдете ко мне.

Санников *и* ***Андрюшин*** *уходят.*

Черданский. А мы уж тут было начали про-

рабатывать тебя — зажился замредактора в командировке, использует служебное положение в связи с хорошей погодой. Вместо недели — целых десять дней!

Брыкин. Ничего не попишешь. Зато в пяти районах весь наличный парк перед уборочной проверил. Теперь очки не вотрут нам, как в прошлом году. Что сегодня в номере идет?

Черданский. Посмотри сам, проще будет.

Брыкин *(просматривает полосы).* Здорово ты чувствуешь технику газетного дела! Всегда у тебя полосы какой-то особенно нарядный вид имеют.

Черданский. На том стоим. Когда приехал-то?

Брыкин. Да прямо с машины. Сейчас домой поеду. *(Смеется.)* Попался! Решил сначала в газету заскочить, а навстречу — моя Татьяна. Увидела меня, ну и, конечно…

Черданский. Досталось?

Брыкин *(смеется).* Еще как! Тебе, говорит, Черданского раньше, чем детей, надо увидеть! Сейчас сюда придет. Прямо хоть в шкаф лезь! *(Серьезно.)* Как живете тут? Я вот по дороге зашел к Акопову — старик ворчит, что ты ему статью зарезал.

Черданский. Зарезать — не зарезал, а поджать — поджал.

Брыкин. Смотри, не пересократи, вопрос

нешуточный — производственная практика студентов.

Черданский. Ничего, мы этого вопроса уже касались и покороче и поострей, чем у Акопова!

Брыкин. Где же это?

Черданский. А в фельетоне о Твердохлебове.

Брыкин. Касались… Вот именно касались! Написали, что Твердохлебов заварил склоку вокруг вопросов студенческой практики. Вокруг вопросов! А что это были за вопросы, что там внутри этого «вокруг»?

Черданский. И давно ты мнение об этом фельетоне изменил?

Брыкин. И не думал. Фельетон боевой. Тема важная. А что по фактам, к сожалению, жидковато — и тогда говорил и сейчас повторяю.

Черданский. Ничего. Факты с каждым днем растут. Потерпевший через своих друзей и прихлебателей уже завалил нас защитительными письмами. Первый признак того, что попали в точку, имеем дело с заядлым и опытным склочником! Я старый газетный воробей, меня на этой мякине не проведешь. Это только Крылова у нас по наивности кудахчет над этими письмами — как будто золотое яичко снесла. Работник старательный, апломбу много, а чутья — ну ника-

кого! Хоть бы Широков на ней поскорее женился, что ли! Увидела бы, что ее письма — не один свет в окошке, авось на людей бы без толку бросаться перестала! И чего он тянет!

Брыкин. Он-то не тянет. Он еще в прошлом году раскатился было к ней по-фронтовому, да пришлось отступать в полном беспорядке…

В дверях появляется ***Таня Брыкина*** *— молодая, круглолицая, начинающая полнеть женщина.*

Таня. Ну, конечно, речь уже о каких-то беспорядках! Здравствуйте, Николай Борисович!

Черданский. Заходите, Татьяна Ильинична.

Таня. Нет, спасибо. Петр Петрович, вот я здесь стою и жду тебя. Пойдем домой. Ну, пожалуйста. Я вижу по твоему лицу, как ты уже придумываешь какой-нибудь предлог, чтобы застрять. Пойдем, пока не придумал.

Брыкин. Ладно. *(Наклоняется над полосами, еще раз бегло проглядывая их.)* Подожди. *(Взяв полосу, Черданскому.)* Зачем ты опять этот снимок поставил — я уже один раз его браковал.

Черданский. Больно хорош дом!

Брыкин. С фасада хорош, а жильцы мучаются. Принципиально нельзя ставить. Сними.

Черданский. С редактором согласовано…

Таня. Ну, снимите, Николай Борисович, что вам

стоит? Для меня, а? А то он теперь еще у редактора три часа просидит, проспорит…

Брыкин *(строго).* Татьяна! *(Черданскому.)* К печати пока не подписывай. Поговорю с редактором. *(Протягивает руку Черданскому.)* Пока. Утром планы с тобой посмотрим.

Таня. Посмотришь, успеешь! На детей сначала посмотри. Поедем!

Брыкины *уходят. Входит* ***Тамара Филипповна***.

Тамара Филипповна. Акопов просил передать вам полосу.

Черданский *(посмотрев на часы).* Пятьдесят пять минут просокращал! Академик! *(Возвращает полосу.)* Отнесите редактору.

Тамара Филипповна не уходит.

Ну, что такое с вами?

Тамара Филипповна *(возмущенно).* Они хотят, чтобы я училась.

Черданский. Кто — они?

Тамара Филипповна. Местком. Они хотят, чтобы я училась в кружке истории СССР.

Черданский. Давно пора. Всем надо учиться. Говорят, что даже мне и то надо учиться.

Тамара Филипповна. Я в свое время, слава богу, учила историю.

Черданский. Не ту историю и не так учили. Несчастья этим ограничиваются?

Тамара Филипповна. Я буду заниматься в одном кружке с буфетчицей Лизой.

Черданский. Смотрите, не отстаньте от нее, она — женщина сообразительная.

Тамара Филипповна. Вы смеетесь надо мной вместо того, чтобы помочь.

Черданский. А как? Попросить освободить вас от кружка в связи с тем, что вы моя четвероюродная сестрица? Учтите, хоть вы мне действительно десятая вода на киселе, у нас все равно не любят семейственности.

Тамара Филипповна *(гордо).* Я обратилась к вам как к своему руководителю.

Черданский. Ну что ж, как руководитель советую вам приносить домой одни пятерки. *(После паузы.)* Идите к редактору, а то из-за наших родственных воспоминаний газета опоздает.

Входит ***Дорохов***.

Дорохов. Где же акоповский материал?

Черданский *(зло взглянув на Тамару Филипповну и почти вырвав из ее рук полосу).* Вот, уже сокращенный и прочитанный мною.

Дорохов, не садясь, наклоняется над столом и подписывает полосу. Черданский отдает ее

Тамаре Филипповне, и та уходит.

Дорохов *(садясь в кресло у стола).* Ну что ж, полосы я в общих чертах прочел, правки после тебя у меня почти не было…

Черданский. Вы же не правщик, а редактор. Мы должны вам давать все в таком виде, чтобы вам и хотелось что-нибудь поправить, да нечего было.

Дорохов. Да… Вообще все без перемен. Только фото замени! Я это пока снял. Согласился с Брыкиным. *(Встретив взгляд Черданского.)* А то бы он у меня до утра сидел — доказывал! Потом еще вернемся к этому вопросу. *(После молчания, полувопросительно.)* На чистые полосы надо будет еще раз все-таки взглянуть. Когда они будут?

Черданский *(взглянув на часы).* Все четыре — через два часа.

Дорохов *(томясь желанием уйти).* Хотя они, в общем, почти без правки.

Черданский *(помогая ему).* А лучше ехали бы вы домой, Антон Андреевич, вид у вас, честно говоря, неважный, усталый.

Дорохов. Да, сердце что-то покалывает.

Черданский. А если что, так, я, как позавчера, позвоню вам домой, посоветуюсь.

Дорохов *(нерешительно).* Думаешь, домой мне поехать?

Черданский. А, конечно, чего же? Когда руководитель спокоен и людям доверяет, — они тоже свое дело делают спокойно и без ошибок. Из-за этого и люблю с вами работать.

Дорохов. Ну, положим, я не такой уж чай с сахаром. Бывает, что и перцу подсыплю! *(Пауза.)* Ладно, уговорил, пойду. *(Строго.)* Но если что — немедленно звони… или присылай машину. И сам будь повнимательней.

Черданский. Можно подумать, что я вас когда-нибудь подводил!

Дорохов. Подводить, в общем, не подводил, но случись что, в конце концов ответственность вся на мне! *(Пауза.)* Как у тебя с этими письмами по фельетону? Крылова приходила сегодня, жаловалась, что ты до сих пор не разобрался.

Черданский. Через неделю, самое большое — две разберусь полностью.

Дорохов. А пока, что видно?

Черданский. Пока видно, что мы в основном правы. Может быть, есть отдельные неточные детали.

Дорохов. Детали, говоришь?

Черданский. Мелкие. Не меняющие сути дела. Не будем же мы из-за того, что у склочника пять пуговиц на рубашке, а мы написали шесть,

извиняться перед ним. Такие извинения только подорвут авторитет газеты.

Дорохов. Да… авторитет газеты — это… *(Поднимает вверх палец, показывая, как высок этот авторитет.)*

Черданский. Вот именно.

Дорохов. Разберись с этими письмами особенно внимательно. Так, чтобы комар носу не подточил! Я сегодня говорил о тебе в обкоме — на ближайшем бюро твой вопрос еще не стоит, но на следующем будут утверждать тебя. Я добился. Так что учти! *(Встает, подает Черданскому руку.)* Ну, держи. Звони, если что. *(Уходит.)*

Черданский. Ну и лентяй божий! В присутствии Брыкина еще стесняется, высиживает, а при мне просто персональным пенсионером стал!

Входит ***Санников****.*

Санников. Николай Борисович, у меня сомнения…

Черданский. Какие еще там сомнения?

Санников. Этот Андрюшин, как мы только вышли от вас, сел за стол, вынул записную книжку, толстую-претолстую… Я с ним говорю, а у него руки потные, записная книжка засаленная, вся исписанная фамилиями, и почерк мелкий-мел-

кий!

Черданский. Ну и что?

Санников. Не знаю, как вам объяснить… А вдруг он все наврал про Твердохлебова? Просто опорочил его доброе имя. А?

Черданский. Да вы человека-то слушали, когда он перед вами вот тут говорил? Чуть не плакал! Или все пропустили мимо ушей? *(Иронически.)* Руки потные, книжка засаленная, почерк мелкий, нос некрасивый — аргументы серьезные, ничего не скажешь!

Санников *(смущенно).* Я же ничего не говорю, Николай Борисович, у меня только сомнения…

Черданский *(уверенно).* Поменьше интеллигентских сомнений и побольше чутья! Теперь доказать, что мы правы, для нас — дело чести! А что мы правы — я ручаюсь вам всем своим нутром газетчика. Ясно?

Санников *(не особенно решительно).* Ясно.

Черданский. Ну, так идите и заканчивайте!

Санников *уходит. Черданский один. Выражение его лица сразу меняется. С сомнением посмотрев на папки Андрюшина, он встает из-за стола и несколько секунд в задумчивости шагает по комнате, бормоча себе под нос все одну и ту же фразу: «Черт его знает…» Наконец он снова садится*

за стол и, покончив с колебаниями, ударяет по столу кулаком.

Доброе имя! Там уж доброе или не доброе, а правы будем мы!

Занавес

Действие второе

Картина третья

Комната отдела писем в первом этаже редакционного здания. Четыре канцелярских стола, большое окно. У одной из стен — шкаф с картотекой и несколько шкафов с папками архива. За ближайшим к двери столом стучит на машинке ***Катя****. Нетерпеливо посмотрев на часы, продолжает стучать.*

Входит ***Санников****.*

Санников. Одна?

Катя. Ну, кончилось?

Санников. Заканчивается. Меня только спросили — и отпустили. Редактор говорит, что мы в основном правы.

Катя. Кто это — мы?

Санников *(затянувшись трубкой).* Ну, Черданский. Отчасти я…

Катя. Эх ты, «отчасти»!

Санников. Напрасно злишься. Надо иметь мужество признавать, когда вы неправы. Так и редактор сказал вашей Крыловой. *(Пауза.)* Даже у меня лично раньше были сомнения. А теперь все, как на ладони.

Катя. Какие это у тебя были сомнения?

Санников. Так, интеллигентские. И еще редактор сказал, что ваша Крылова забыла, что отдел писем при газете, а не газета при отделе писем! Понятно тебе?

Катя. Понятно. Я-то хоть при отделе писем, а отдел писем все-таки при газете. А ты при своем Черданском — и все!

Санников *(с достоинством).* Не особенно принципиальная реплика. Может, нам с тобой лучше все-таки раз навсегда выяснить наши отношения? Я тебя буду ждать ровно в восемь напротив, в сквере.

Катя, не отвечая, пробует печатать на машинке, но буквы то и дело заскакивают. ***Санников****, помявшись, уходит.*

Катя. Вот, даже машинку из-за него испортила!

Входит ***Акопов****.*

Акопов. Ну, где у вас письма железнодорожников? Может, что-нибудь в полосу поставлю. Только поскорей давайте, а то меня самого торопят!

Катя. Вот, только что перепечатала. *(Передает ему письма.)*

Акопов. А Вера Ивановна все еще на разборе дела?

Катя *(взглянув на часы).* Уже два часа, как у

редактора! Мне, знаете, Константин Акопович, даже приснился вчера этот Твердохлебов. Такой маленький, худенький, в очках. И плачет.

Быстро входит средних лет невысокий худощавый ***Посетитель в очках.***

Катя в первую минуту смотрит на него почти испуганно.

Посетитель в очках *(быстро).* А письмо ведь уже два месяца у вас лежит!

Катя. Не может быть! Чье письмо?

Посетитель в очках. Мое! Насчет Краснохолмского трубопрокатного завода.

Катя. Оно не лежит. Оно расследуется.

Акопов. Могу подтвердить, потому что сам ездил в Краснохолмск. Письмо не только расследуется, но и частично уже использовано у нас в статье.

Посетитель в очках. Вот именно, что частично. Вопросы борьбы за план поставили, а качества коснулись?

Акопов. Будет вторая статья, коснемся и качества.

Посетитель в очках. Улита едет, когда-то будет, а у меня трубы при монтаже — каждая двадцатая в брак идет! Меня, как заказчика, если хотите знать, при таком качестве их план не интересует.

Пусть они его хоть и не выполняют!

Акопов. Ну, это уж вы, положим, загнули!

Посетитель в очках. Ясно, что загнул! А чего у вас этот Акопов свои статьи, как романы, в двух частях пишет! В первой — про план, во второй — про качество. А я — волнуйся! А вдруг — он писатель, вдруг у него так и останется: «продолжение следует»?

Акопов. Не волнуйтесь, не писатель он. Будет и продолжение, и окончание. Пойдемте с вами к этому Акопову в промышленный отдел, соберемся все вместе и доругаемся!

Посетитель в очках *(Кате).* До свидания.

Катя. А вы мне и здравствуйте еще не сказали.

Посетитель в очках *(неожиданно мягко улыбнувшись).* Здравствуйте. Знаете, прямо с монтажа. Гоним, чтобы к праздникам кончить, а тут эти трубы! *(Представляясь.)* Токмаков, со строительства газопровода. Ваш адрес?

Катя. Наш адрес?

Посетитель в очках. Нет, личный ваш адрес!

Катя *(удивленно).* Улица Калинина, девять.

Посетитель в очках. Раз так — значит к празднику в квартиру газ получите! Даже несмотря на этот трубопрокатный, будь он неладен! Все равно получите!

Посетитель в очках *выходит вместе с* ***Акоповым****. Через секунду* ***Акопов*** *приоткрывает дверь.*

Акопов *(просунув в дверь голову и подмигнув Кате)*. Маленький, худенький, в очках и плачет, а? *(Скрывается.)*

Входит ***Крылова****. У нее расстроенный вид.*

Катя. Вера Ивановна! Расскажите, как было? Чем кончилось?

Крылова. Сначала три раза выступал Черданский — не дал никому рта раскрыть! А потом редактор сказал речь, что с фельетоном теперь в общих чертах для него дело ясное и что газета в основном права. Что я сама требовала расследования, а теперь, когда оно обернулось против меня, — спорю из упрямства, что мне не дорога честь газеты и мое поведение само похоже на склоку!

Катя. А вы?

Крылова. Я от неожиданности даже не нашлась, что ответить. Только сказала, что все это неправда!

Катя. А потом?

Крылова. А потом — вот сижу с тобой и рассказываю. *(Помолчав.)* Как он не понимает, что мне не меньше, чем ему, хочется, чтобы фельетон был верным! Но в то же время я чувствую, что в этих

письмах в защиту Твердохлебова есть какая-то правда. Или я вообще не разбираюсь в письмах, а, значит, и в людях. А тогда, какого черта я здесь околачиваюсь? Зачем я нужна?! *(Помолчав, решительно.)* Нет, все равно не соглашусь! *(Вынув из ящика стола пачку писем.)* Садись, я тебе сейчас сводку всех писем продиктую. Ведь вот, уже одиннадцатое пришло! Одиннадцатое! Ну пусть, как они говорят, он одно организовал, другое… Но не все же? Никогда в это не поверю!

Катя. Мне Санников машинку испортил.

Крылова. Как?

Катя. А так, вместе с настроением! Пойдемте в машинное бюро, я вам там на чьей-нибудь свободной машинке напечатаю.

Крылова *и* ***Катя*** *выходят. Некоторое время в комнате никого нет. Входит* ***Широков****, присаживается на подоконнике, закуривает. Входит* ***Черданский****.*

Черданский. А я тебя всюду ищу.

Широков. А я здесь.

Черданский. Пришел утешать?

Широков. Не знаю. Все вроде так, а какой-то осадок на душе!

Черданский. А ты взболтай, чтоб не было осадка. *(После паузы.)* Хотя в известном смысле и я

разделяю твое беспокойство.

Широков. Мне, напротив, показалось, что ты спокоен за результаты расследования.

Черданский. Я — да. Но Крылова не смирилась со своим поражением, и я уверен — будет раздувать историю дальше. И позиция Брыкина мне не понравилась. Номер у него, видите ли, горит! Некогда сидеть! А на самом деле ушел только потому, что хотел на всякий случай оставить себе руки развязанными.

Широков. Это не похоже на него. Просто он, как всегда, не хотел говорить, не изучив дело во всех подробностях.

Черданский. Вот именно. Как ни спешил выпускать номер, а все-таки успел мне сказать в коридоре, чтобы я ему показал все остальные материалы. *(После паузы.)* Ты со вчерашнего дня уже в отпуску. Как думаешь его провести?

Широков. Думать поздно. И так сегодня из-за этого заседания целый день упустил. Билет в кармане — ночью сяду на «Ивана Тургенева» и поплыву, как в прошлом году, до Каменки. Буду там в верховьях Обноры рыбку ловить.

Черданский. А ты бы лучше на полсотни километров повыше поднялся, поближе к Обнорску, а?

Широков. Чего это вдруг?

Черданский. Не догадываешься? Река та же, рыбка та же, а заодно дело сделаешь! Поедешь под Обнорск, а заедешь в Обнорск, зайди к директору института, где работает Твердохлебов, познакомься, напомни, что мы ждем отклика на фельетон, разузнай сам на месте о Твердохлебове все, что может подтвердить нашу правоту. Даже если и потеряешь неделю, зато уж мы будем спокойны на все случаи жизни. Мне иногда кажется — ты просто забыл, что фельетон твой и что за него головой отвечаю не только я, но и ты.

Широков *(задумчиво).* Да, это верно. Я, кажется, действительно забыл, что это мой фельетон.

В открытых дверях появляется незамеченная ими обоими ***Крылова****.*

Черданский. Я уверен, что твоя поездка в Обнорск поможет нам *(сжимает руку в кулак)* покончить с твердохлебовской историей.

Широков. Начинаю думать, что ты прав.

Крылова *(проходя мимо них к своему столу).* Прошу извинить, что без стука.

Черданский. Напротив, это ваше ведомство, а мы — оккупанты. Пойдем, Василий Степанович.

Широков. Сейчас я к тебе зайду.

Черданский *выходит. Широков подходит к*

столу Крыловой, которая подчеркнуто углубилась в чтение писем.

Вера Ивановна!

Крылова. Не теряйте со мной времени. Идите к Черданскому, он вас ждет. Вы все лучше и лучше понимаете друг друга, а я боюсь, что не пойму вас.

Широков *(мягко).* Чего вы не поймете?

Крылова *(подняв на него глаза).* Ничего, начиная, или, вернее, кончая вашей поездкой, видите ли, для того, чтобы *(повторяя жест Черданского)* покончить с твердохлебовской историей, — вместо того, чтобы в ней разобраться!

Широков. Видите ли, Вера Ивановна…

Крылова *(встав, вплотную подходит к нему и глядит ему в глаза).* Вижу. Вижу ваши глаза, которые когда-то на фронте видели смерть, а сейчас боятся увидеть правду.

Широков. Может быть, вы все-таки захотите меня выслушать?

Крылова. Сейчас — нет. Час назад я очень хотела вас выслушать. Я мечтала вас выслушать! Я ждала, что вы встанете и скажете: «Под фельетоном моя подпись, и я хочу быть правым. Но я не хочу быть правым любой ценой. Дело Твердохлебова не разобрано, а замято. Выгодно или

невыгодно мне, но разберите его как следует!» Вот чего я ждала от вас. Но тогда вы молчали, а сейчас я не хочу вас слушать.

Широков. Эх, вы, Пила Ивановна!

Крылова. Вы еще шутите! Едете, чтобы помешать честному разбору дела и еще смеетесь надо мной! Вы — бесчестный человек! Да, да, бесчестный!

Широков. Если б мне это сказал мужчина…

Крылова. Ну, что ж, ударьте меня!

Широков *(с силой).* Вера!..

Крылова. Оставьте меня в покое!

Широков. Господи, ну почему ты такая? Ты же можешь быть другой. Совсем другой. Я-то знаю…

Крылова *(почти грубо).* А вы забудьте!

Широков, круто повернувшись, идет к выходу.

(Отчаянно.) Василий Степанович!

Широков *(резко).* Поговорим, когда вернусь. А сейчас мне больше не о чем с вами разговаривать. *(Выходит.)*

Крылова *(опустившись на стул, тихо).* К моему большому, к моему самому ужасному горю с этой минуты мне тоже больше не о чем с вами разговаривать, Василий Степанович!

Входит ***Дорохов***.

Дорохов. Ладно, сидите, я ненадолго. *(Присажи-*

вается на край стола.) Зашел посмотреть, как вы тут после критики — живы или нет?

Крылова. Жива, Антон Андреевич. И умирать не собираюсь…

Дорохов. А то мне показалось, что вы переживали. А критику не переживать надо, а понимать.

Крылова. Ту, что в мой адрес, я готова принимать. А вот ту, что была в адрес Твердохлебова, уж разрешите мне переживать, пока я не узнаю, правда это или нет.

Дорохов. Однако упрямая вы женщина.

Крылова. А меня именно за это год назад сюда и пересадили из корректоров. Вы же!

Дорохов. Из-за какого-то одного человека, которого вы в глаза не видели и никогда не увидите, вопреки всем доказательствам, завариваете такую кашу!

Крылова. Один человек — тоже человек.

Дорохов. Вот тут-то и корень вашей ошибки. Вы узко смотрите на вещи, не можете понять, что мы ударили не по одному склочнику, а вообще по склочникам, сделали большое воспитательное дело. Мы правы в основном, в главном! И если при этом даже и не совсем точны какие-нибудь частности, мы никому не позволим из-за них ставить под сомнение существо вопроса! А вы просто

шумите, сами не зная, где черное, а где белое.

Крылова. Вот именно, не знаю, а хочу знать!

Дорохов *(начиная раздражаться).* Дело уже разобрано. И точка. Это вы его можете мусолить, потому что оно у вас единственное, а у меня дел много: и партийная жизнь, и урожай, и строительство, и итоги полугодия, и борьба за мир.

Крылова. Зачем же вы, Антон Андреевич, при помощи больших дел отмахиваетесь от маленького?

Дорохов. Вы меня не учите! Я думал, вы просто недопонимаете, а теперь вижу, что вам этот склочник не случайно так по сердцу пришелся. Но имейте в виду, мы люди принципиальные, мы и у себя в редакции склочникам поблажки не дадим! Советую вам подумать о собственных ошибках. А в мировом масштабе мы и без вас подумаем.

Выходит, столкнувшись в дверях с ***Пожилым человеком****, у которого в руках потертый кожаный портфель.*

Пожилой человек *(неестественно громким голосом).* Здравствуйте!

Крылова *(вздрогнув).* Здравствуйте.

Пожилой человек *(по-прежнему очень громко).* Я хочу вас поблагодарить за то, что вы зимой

напечатали мое письмо. Спасибо вам от всех таких, как я. С весны у нас в городе уже продаются наконец слуховые аппараты. Вот. *(Вынимает из кармана пиджака слуховой аппарат, вставляет шнурок в ухо.)* Видите, какие?

Крылова. Вижу.

Пожилой человек. Вы мне не говорите, вы мне кивайте, потому что я второй день опять ничего не слышу. Я вам еще одно письмо принес — теперь о том, что нет запасных батарей. Напечатаете это письмо? Вы не говорите, вы кивайте. Я же говорю вам, что не слышу.

Крылова кивает.

В дверях появляется ***Трапезникова****. Стройная женщина, с уже сильно поседевшими, коротко подстриженными волосами. Войдя в комнату, она останавливается в ожидании.*

Вот письмо. Вы чуткие люди, прислушиваетесь к сигналам. *(Вынимает шнурок из уха, прячет аппарат в карман пиджака и идет к дверям; в дверях поворачивается.)* Спасибо вам от всех таких, как я. Только поскорей напечатайте. Хорошо? Вы кивайте, кивайте!

Крылова кивает.

До свидания! *(Поворачивается, видит Трапезникову.)* Здравствуйте! *(Выходит.)*

Трапезникова. Я, кажется, не ошиблась, это отдел писем?

Крылова. Да.

Трапезникова. Вы — Вера Ивановна Крылова?

Крылова. Я.

Трапезникова. Александра Викторовна Трапезникова. Будем знакомы. *(Рукопожатие, садится.)* У вас, я вижу, бывают самые разные люди.

Крылова *(сухо).* Да. На то мы и отдел писем.

Трапезникова. Не удивляйтесь, что я тоже пришла к вам.

Крылова *(устало).* А я не удивляюсь.

Трапезникова. У вас лежит письмо наших молодых актеров, касающееся меня. Я знаю все подробности и буду говорить с вами прямо.

Крылова. Я тоже. Хотя впервые слышу, что вам показывали это письмо.

Трапезникова. Мне его не показывали, но не в этом дело. Почему оно еще не напечатано?

Крылова *(секунду помедлив, холодно и резко).* Потому, что авторы его дополняли. Раньше в нем шла речь только о том, что товарищ Трапезников изуродовал пьесу, переписал для вас роль с двадцати лет на сорок, а теперь о том, почему он вообще не ставит пьесу, решив, что раз не вы — значит, никто!

Трапезникова. Вот об этом я и пришла говорить с вами. Пьеса пойдет. Ее не хочет ставить муж, но ее поставлю я. Что вы смотрите на меня? Я уже десять лет ставлю пьесы, если сама в них играю. А я все время играю в них. Но на этот раз я хочу, чтобы молодая актриса сыграла мою роль, то есть роль, которую хотели сделать моей.

Крылова *(все еще резко).* А кто хотел?

Трапезникова *(решительно).* Я хотела. А теперь я хочу, чтобы ее играла молодая актриса. Я вижу, вы мне не верите? А? Ну, скажите правду — не верите, да?

Крылова. Извините, не верю. Мне кажется, вас вынудило к этому только письмо в редакцию.

Трапезникова. Вы и правы и нет. Да, не будь этого письма, я бы не пришла к вам. Я люблю играть до слепоты, до забвения своих сил. Я люблю играть… Но я не лукава и не труслива, и сейчас я хочу, чтобы у нас шла эта пьеса не потому, что я испугалась, а потому, что задумалась. У вас можно курить?

Крылова. Пожалуйста.

Трапезникова *(закурив).* Вы много моложе меня и, наверное, еще не знаете, что такое горе.

Крылова. Когда мне было девятнадцать лет и я ждала ребенка, у меня убили мужа. У меня в

один год погиб на фронте отец и умерла мать. Это нелепо — считаться несчастьями, но я просто хотела сказать вам, что возраст тут ни при чем.

Трапезникова. Простите меня. Тем более, что я совсем о другом горе, которого у вас не было и не будет. Вы видели меня на сцене?

Крылова. Конечно.

Трапезникова. И вам иногда казалось, что я хорошо играю?

Крылова. Да…

Трапезникова. Вы искренно сказали «да», но удержались, чтобы не сказать «но». Я договорю за вас: хорошо, но поздно. Поздно играть и Ларису, и Катерину, и Негину, и может быть, даже Анну Каренину. Настолько поздно, что иногда можно только догадаться, как это было хорошо когда-то… Так, да? Да, так, и это горе, потому что я всю жизнь, сколько себя помню, играла героинь и никого другого. У меня нет божьего дара играть комических старух. Я — героиня, и я состарилась. Понимаете?

Крылова. Понимаю.

Трапезникова. А я вот слишком долго не понимала. Какие мучительные премьеры были последние годы! Каждый раз чувствовать, что ты стара для этой роли, слышать обрывки фраз:

«А играет все-таки хорошо», и снова требовать себе следующую молодую роль, и снова сидеть на репетициях, думая, как подтянуть морщины. *(Усмехнувшись.)* Вы даже не знаете, как трудно выговорить актрисе — такое! Но я вам говорю все. Я начала терять уважение к себе и видела, как его теряют другие и глядят мне в глаза, молчаливо спрашивая, когда же она поймет? И вот я поняла. Я не хочу брать чужого только потому, что мой муж руководит театром. Я не хочу, чтобы молодые глаза смотрели на меня с ненавистью. Я хочу жить в молодых ролях, которые я помогу создать молодым. И чтобы роли, которые я еще могу играть, мне подсказали честные молодые голоса: «Вы можете сыграть это. Можете и должны!» Я хочу жить в театре, окруженная любовью, а не шипеньем, жить с седыми волосами и без краденого счастья. *(После молчания.)* У вас лежит это письмо. Я начинаю репетиции завтра. Я знаю, что после недели работы вся молодежь театра поверит мне так же, как верите мне сейчас вы. Да?

Крылова *(после молчания).* Да.

Трапезникова. Но до этого… Мне было бы почеловечески очень горько, если бы до этого я открыла газету и увидела бы там письмо, которое они еще не успели взять обратно…

Крылова. Что же сделать? А?

Трапезникова. Не знаю. То, что вам подскажет сердце. До свидания.

Трапезникова *уходит. Несколько секунд Крылова одна, потом входит* ***Акопов****.*

Акопов. Я собрался раньше времени домой и подумал, что, может быть, составлю вам компанию.

Крылова *(горячо).* Константин Акопович, почему же вы — секретарь партбюро — и вдруг не были?

Акопов. Редактор как раз перед этим срочно заставил меня сдавать целую полосу о железнодорожниках, а когда я выразил желание все же присутствовать, заявил, что он пока разбирает это дело в чисто административном порядке.

Крылова. И вы смирились?

Акопов *(спокойно).* Почему смирился? Если сегодня дело решено бюрократически, — завтра найдем способ разобрать его по-партийному.

Крылова. Я вам еще в понедельник подала заявление и просила на партбюро поставить!

Акопов. Вы же знаете, я человек медлительный, тугодум…

Крылова. Ах, Константин Акопович, не до шуток мне!

Акопов. И мне тоже. В тот понедельник поставим. Надо все взвесить, изучить… Тем более, если вам кажется, что дело нечистое!

Крылова *(с волнением).* Вот именно — нечистое! Скажите вы, ради бога, это Широкову! Может быть, он хоть вас послушает! Скажите ему, пока не поздно!

Акопов *(озадаченно).* Хорошо…

Крылова. Ничего хорошего! Он не хочет, он боится это понять! Трус! *(Сквозь слезы.)* Извините, Константин Акопович, я не могу сейчас спокойно говорить, до свидания. Передайте привет Анне Аветиковне. *(Поворачивается к окну.)*

Акопов. Вот чего не умею, того не умею, — когда слезы… Учусь, учусь — все равно не умею… *(Покачав головой, выходит.)*

Крылова стоит у окна. Входит ***Катя****.*

Крылова *(глухо, не поворачиваясь от окна).* Найди адреса этих актеров, Казакова и Фисенко, которые написали письмо о театре…

Катя *(подходя к ящикам с картотекой).* Сейчас!

Крылова. Сходи с утра к ним и скажи, чтобы они завтра же пришли ко мне в любое время. По-моему, там, напротив, тебя уже давно ждут. *(Идет к своему столу, открывает блокнот и*

начинает сосредоточенно, решительно писать.)

Катя *(выглянув в окно, смущенно).* Он просил, чтобы мы сегодня наконец выяснили с ним отношения. *(Надевает берет, запирает стол на ключ.)* До свидания, Вера Ивановна. *(В дверях.)* Я ничего вам больше не скажу, вы только, пожалуйста, знайте, что я вас очень люблю. *(Выходит.)*

Крылова одна продолжает писать. Входит ***Брыкин****.*

Брыкин. А я редактора ищу, сказали, что он к вам пошел. Простите… *(Хочет уйти.)*

Крылова. Петр Петрович, не знаю, правильно или неправильно, но я вот сижу и пишу письмо в обком. Прошу принять меня.

Брыкин *(садясь).* О чем письмо, если не секрет?

Крылова. О том, как у нас в редакции необъективно разбирали дело Твердохлебова. И пишу, что в этом виноваты Черданский, Широков и редактор. И что Акопов разбор моего заявления на следующее бюро перенес… И вы тоже самоустранились при разборе дела!

Брыкин. Ну, что ж, в обкоме разберут. Хотя насчет моего самоустранения — формулировка довольно злая. Вроде того, что убоялся редактора и почел за благо — в кусты! Не устраняюсь я, Вера

Ивановна, а просто вернулся из командировки и сразу закрутился в текучке. Черданский без меня на радостях занялся мыльными пузырями, а редактор наблюдал за газетой, как он выражается, в общих чертах…

Крылова. Скажите, Петр Петрович, до каких пор редактор будет руководить в общих чертах, а вы будете везти в газете весь воз?

Брыкин. Вопрос серьезный, но поставлен не с того конца. Дело не в том, чтобы я делал меньше, а в том, чтобы он делал больше!

Крылова. А вы хоть раз говорили с ним?

Брыкин. А вы как думаете, почему он на меня таким волком смотрит? *(Помолчав.)* Вот я вам сказал, что не устранился. А вообще-то, по совести говоря, на первых порах, конечно, устранялся. Не захотел при своих неважных отношениях с редактором и Черданским без полного снаряжения в бой вступать. Это ведь, признаться, по моей просьбе Акопов отложил вопрос до следующего бюро — пока я не разберусь до конца. Вот третий день каждую свободную минуту сижу и разбираюсь.

Крылова *(с волнением).* Ну?

Брыкин. Я же говорю — разбираюсь. *(Встает.)*

Крылова *(удерживая его).* Подождите, Петр

Петрович… Я все хочу задать вам один вопрос и все не решаюсь. *(В волнении ходит по комнате. Останавливается. Решительно.)* Что вы думаете о Широкове?

Брыкин *(несколько удивленный неожиданностью вопроса, внимательно смотрит на Крылову).* Говорить вполне откровенно?

Крылова. Да. Иначе не имеет смысла.

Брыкин. Как вы знаете, мы с ним всю войну прослужили в одной дивизии, что называется — пуд соли съели. Семь лет назад я бы вам ответил просто: Вася Широков мой друг, и храбрее и по всем статьям лучше человека, чем он, я редко встречал.

Крылова. Это вы ответили бы мне семь лет назад. А сейчас?

Брыкин. Год назад, когда мы съехались с ним здесь, я его, по правде говоря, кое в чем не узнал. Он как-то огрубел в этой холостяцкой жизни, стал пьяноват, растрепан, да и пишет спустя рукава, выезжает на одном таланте. Я говорил с ним несколько раз, но…

Крылова. Что?

Брыкин. Но, наверное, не так, как нужно. Все на ходу, даже на бегу. Черт его знает! Неправильно мы живем иногда: все спешим, спешим, а

на самое главное не хватает времени. Ведь это все не так просто у него. После войны пять лет перебивался с хлеба на чай, мыкался по Москве; сначала писал большой роман, а потом таскал его по редакциям… Пять лет! Вы это знаете?

Крылова. Про роман? Нет.

Брыкин. Вот видите. Даже вы этого не знаете! Значит, еще болит у него это! Я замечал: у многих газетчиков такая тайная страсть — написать роман. Но не у всякого выходит! Роман в конце концов зарезали и, как он мне сквозь зубы признался, кажется, правильно. Во всяком случае, он его порвал. И вот пошел снова в газету. Повторяю, не так все просто с ним. Вам еще придется потрудиться над этим человеком, если говорить вполне откровенно. Не обижайтесь.

Крылова. Я не обижаюсь.

Брыкин. Швырнули меня год назад, как щенка, в эту газету: плыви! А какой у меня газетный опыт? Полгода в выездной комсомольской редакции во время о́но! А срамиться не хочу, вот и зарылся с головой, да так, что плохим другом оказался своему лучшему другу. Не оправдываюсь, просто говорю — как есть на сегодняшний день! А вы… Сколько раз думал зайти к вам и сказать: «Эх, рискните!»

Крылова. Не понимаю.

Брыкин. Прекрасно вы меня понимаете. Он ведь заранее готовеньким для семейной жизни все равно никогда не будет. Хоть еще пять лет ждите. Мать вашего покойного мужа, она-то уж, кажется, могла бы на Широкова волком смотреть, — а ведь нет, ведь даже она к нему лучше, чем вы, относится, если хотите знать.

Крылова *(полусердито, полурастерянно).* Не хочу я этого знать!

Брыкин. И напрасно! А ваш Димка? Это же слепым надо быть, чтобы не видеть, как он Широкова любит, как хвостом за ним ходит — на футбол, на водную станцию, да что там, на край света пойдет, если только его дядя Вася пальцем поманит! Орденские ленточки у него пересчитывает, на дворе перед ребятами им хвастает! Не принято о таких вещах у детей спрашивать, а спросить бы его — он бы вам подсказал, что делать! Мальчишке отец нужен, вот что я вам скажу! Да вы не смотрите на меня так! Во-первых, не боюсь, а во-вторых, не уговариваю, и повторяю: да, Широков нынешний, какой есть, — не сахар для семейной жизни. Но рискнули бы — и многое бы уже, наверное, переменилось! Четыре стены — плохие советчики. Человек лучше.

Крылова. Я тоже плохой советчик. Он, очевидно, считает меня за стену, а не за человека!

Брыкин. Да ну? Это на него не похоже.

Крылова. А то, что он вот сейчас едет вовсе не на рыбную ловлю, а по совету Черданского поедет в Обнорск на всякий случай собирать новые материалы против все того же Твердохлебова, как по-вашему, это на него похоже?

Брыкин. Не верю!

Крылова. Не верите, а это так!

Брыкин. Не верю, Вера Ивановна.

Крылова. К несчастью, я знаю это точно, совершенно точно.

Брыкин *(упрямо).* Все равно не верю!

Крылова. Если б вы поговорили с ним…

Брыкин. И говорить не буду. Не верю. *(Внимательно посмотрев на Крылову, вдруг улыбнулся.)* Напрасно меня испытываете, Вера Ивановна! Сознаюсь, я ему был плохим другом, но не настолько плохим, чтобы поверить подобной ереси!

Снаружи к окну подходит ***Таня Брыкина****.*

Таня. Верочка! Ты еще домой не идешь?

Крылова. Нет, Танюша, еще не могу.

Таня *(заметив мужа).* Ах, вот ты где, смотри, ревновать буду!

Брыкин. А сумеешь?

Таня. Не знаю, попробую. Особенно если ты через полчаса не придешь обедать.

Брыкин *(взглянув на часы).* Через час.

Таня. Вера, могу я на него раз в месяц поворчать? Или нет?

Брыкин. Ладно, ворчи!

Таня. Сколько же можно каждый день тебя ждать? А сегодня *(показывая на авоську)* я тебе помидоры купила, и копченого омуля купила, и еще кой-чего купила. В общем, чтоб через полчаса был — и все! Ну, как я ворчу, хорошо?

Брыкин *(смеясь).* Хорошо. Есть быть через полчаса. Только один вопрос к тебе. В сорок третьем году, что я в плен сдался, — тебе рассказывали?

Таня *(удивленно).* Рассказывали.

Брыкин. И ты поверила?

Таня. Нет, конечно! А чего ты спрашиваешь?

Брыкин. Так. К слову пришлось. До свидания, Вера Ивановна! *(Тане.)* Иди, скоро приду, может, даже еще по дороге догоню. *(Выходит.)*

Таня. До свидания, Верочка!

Крылова. До свидания. *(Одна, помолчав.)* Неужели я ошиблась, спутала, не поняла, напрасно подумала, что он способен… Ведь Брыкин же не верит, не верит! Господи, какое бы это было

счастье!

Входит ***Черданский****.*

Черданский. Широкова нет?

Крылова. Он уже давно пошел к вам.

Черданский *(пожав плечами).* Пошел, но не дошел. *(После мгновенного колебания.)* А это, пожалуй, кстати, что случай свел нас с вами вдвоем.

Крылова. Не уверена.

Черданский. Один раз просто для разнообразия потерпите, помолчите и выслушайте меня, не перебивая. Хорошо?

Крылова. Хорошо.

Черданский. Не скрою от вас, ваше стремление заново начать копаться в деле Твердохлебова меня тревожит. Не за себя тревожусь. За Широкова. *(Увидев протестующий жест Крыловой.)* Вы обещали выслушать меня. Говорю еще раз — за Широкова. Не скрою от вас, в деле есть неточности, к которым можно отнестись по-разному: можно их забыть и можно на них начать плясать. Если так, то на этом пострадает только один человек — Широков! Не перебивайте меня! Факты в основном верны — значит *(ткнув себя пальцем в грудь)*, газета в основном права. А за неверные частности будет расплачиваться тот, кто пи-

сал, — Широков! Не я, понимаете? А Широков! Это о нем будет сказано *(пишет в воздухе рукой)*: «Сотрудник газеты, виновный в допущении… освобождается…» И так далее.

Крылова. Вы все сказали?

Черданский. Почти. Добавлю всего два слова. Твердохлебов для вас никто. А Широков — все! Если не ошибаюсь!

Крылова. В этом не ошибаетесь. Но во всем остальном — ошиблись! Именем Широкова вам меня не купить!

Черданский. Что? Что?

Крылова. Я говорю — не купить!

Черданский *(натянуто рассмеявшись).* Ну что ж, будем считать, что этого разговора не было.

Крылова. Нет, он был!

Черданский *(спокойно).* Нет, Вера Ивановна, его не было. И не советую вам никогда настаивать, что он был. Никто не поверит, что, зная ваш характер, я мог с вами заговорить об этом. Я сам и то уже не верю. Просто пожалел Широкова и подумал *(обведя рукой комнату)*, что у вас, кроме этих ящиков с письмами, есть еще просто-напросто женское сердце. Но ошибся. У вас вместо сердца — одни ящики. *(Поворачивается и выходит.)*

Крылова *(одна, ошеломленно).* Как он сказал?

Одни ящики!

*Входит **Катя**.*

Катя. Я поссорилась с Санниковым! Совсем. Окончательно.

Крылова. А когда будешь мириться?

Катя. Никогда! Вы не шутите. Это серьезно. Вы знаете, Санников раньше говорил мне, что поедет в Верхнереченск смотреть новую театральную постановку. Оказывается, ничего подобного! Он едет туда специально, чтобы собрать там какие-то еще материалы против Твердохлебова! Он сам мне только что признался. Он мне сказал, что Черданский очень доволен, он только что получил письмо из Обнорска, что Твердохлебова уже освобождают от заведования кафедрой и скоро будут разбирать его дело в партийном порядке. И еще Черданский хвалил Широкова, ставил в пример: вот, говорит, молодец Широков, с двух слов, сразу согласился поехать в Обнорск — значит, дело будет в шляпе! Я едва удержалась, пока все выслушала!

Крылова сидит молча, неподвижно, как потерянная.

Вера Ивановна!

Крылова. Что?

Катя. Я ему сказала, что теперь — все! Пусть

он с этого дня обо мне забудет! Конечно, я его любила… *(Вдруг всхлипнув.)* Даже и сейчас. *(Снова овладев собой, горячо.)* Но ведь нельзя же быть с человеком, когда не уважаешь его!

Крылова *(встав, ровным, глухим голосом, думая о своем).* Нельзя — это верно!

Занавес

Действие третье

Картина четвертая

Кабинет Дорохова. Большая комната. Письменный стол. В стороне, отдельно стол для заседаний. Хотя окна открыты, в комнате накурено. На столе следы заседания — пепельницы с окурками, пачки бумаги, карандаши. У краешка стола один в задумчивости сидит ***Черданский****. Преувеличенно тихо входит* ***Тамара Филипповна****.*

Черданский *(оборачивается).* Принесли?

Тамара Филипповна. Да. *(Передает ему папку.)*

Черданский просматривает содержимое папки. Тем временем Тамара Филипповна что-то шепчет ему на ухо.

Черданский *(раздраженно).* Вы что, хотите, чтобы никто не слышал, или чтобы я не слышал? Никого нет, говорите громко.

Тамара Филипповна. Вам звонит Илларион Алексеевич. Я сказала, что вы заняты, но он сказал, чтобы я сказала вам, что у него творческие разногласия с Александрой Викторовной, что она ставит какую-то пьесу, которую он не хочет ставить, и что он ждет у телефона, потому что ему

нужно непременно сегодня же посоветоваться с вами.

Черданский. Пусть лучше раз в жизни посоветуется с собственными артистами. Ну его к черту!

Тамара Филипповна *(возмущенно).* Иллариона Алексеевича?!

Черданский. Вот именно. Идите! Дайте хоть с мыслями собраться. Ну, что еще?

Тамара Филипповна. Только что приехал Широков.

Черданский *(вскочив).* С этого бы и начинали. Когда вы наконец ума наберетесь! *(Стучит себе по лбу.)*

Тамара Филипповна *(вдруг с рыданием в голосе).* Я все-таки женщина…

Черданский. Да ну?

Тамара Филипповна. А вы… Я вам давно хочу сказать. Вы не джентльмен. Вы — хам. Вы меня всегда унижаете… Я уйду от вас. Я лучше в уборщицы пойду, чем…

Черданский *(прервав ее).* Ну и скатертью дорога!

***Тамара Филипповна** уходит в слезах.*

Тоже мне — леди! Нашла время…

*Входит **Широков**.*

Широков. Здравствуй, Николай Борисович!

Черданский. Разбирают твердохлебовское дело, а его нет! От Андрюшина два письма пришло, а от тебя — ни звука. Почему не ответил на мою телеграмму?

Широков. А я не получал, я сам приехал.

Черданский. Как так? Ну, ладно, некогда. Перерыв уже кончается. Я тебе быстренько изложу ситуацию, чтобы ты мог говорить с учетом. Дело повернулось круто. В обкоме поручили Дорохову заново разобрать дело с участием членов партбюро и сегодня же доложить о результатах. Он в душе колеблется — я с ним вчера говорил, — на него жмут, но признавать ошибку ему неохота. Так что, если ты привез еще что-нибудь внушительное в нашу пользу, он будет только рад. Еще все может повернуться…

*Входят **Дорохов** и **Акопов**.*

Дорохов *(заметив Широкова, радостно).* Привет, товарищ Широков! Прибыл все-таки, прервал отпуск!

Широков. Разрешите присутствовать?

Дорохов. Да уж теперь, раз приехал, не отпустим. Послушаем, что новенького привез! *(Акопову.)* Ну, что ж, продолжим?

*Входят **Брыкин**, **Санников**, **Катя**.*

Ну, кто там еще?

Последней входит ***Крылова****. Неожиданно увидев Широкова, она вздрагивает, но, сдержавшись, молча садится напротив него за стол.*

Продолжаем. Санников и Черданский ответили на все вопросы. Кто хочет высказаться?

Черданский. Я ответил на все вопросы, но позвольте мне сказать несколько слов в заключение.

Дорохов. Говорите.

Черданский. Пока я отвечал на вопросы, которые — главным образом, у товарища Брыкина — клонились к тому, чтобы прижать меня к стенке и доказать, что я заведомо подвел газету, я много передумал и скажу прямо: конечно, этот фельетон надо было писать не так — это ошибка Широкова. И моя — тоже. Конечно, часть фактов не проверена и изложена неточно. Конечно, Широков и я излишне понадеялись на свое чутье газетчиков, которое, как вы знаете, меня редко подводит. Но если говорить о том, как мы, получив сигналы, расследовали этот фельетон, — тут моя совесть чиста. Я выкопал все, чтобы подтвердить нашу точку зрения, чтобы мы в конечном счете оказались правы!

Брыкин. Правым надо быть, а не оказываться!

Черданский *(не обращая внимания).* А нашу точку зрения требовалось подтвердить ради престижа газеты.

Брыкин. Если бы она была верной! А неверную точку зрения требовалось защитить ради вашего престижа.

Черданский. А я не отделяю своего престижа от престижа газеты.

Брыкин. Напрасно!

Дорохов. Брыкин, не мешай человеку говорить!

Черданский. Теперь насчет фактов. Я считаю, что в общих чертах, не говоря о деталях, мы ухватились за правильное звено. Вот передо мной, я только что получил *(открывает папку, принесенную ему Тамарой Филипповной)*, отклик директора института. Разрешите прочитать?

Дорохов. Читай.

Черданский. «Дирекция института считает, что в фельетоне „Склочник“ по отношению к доценту К. И. Твердохлебову употреблены некоторые грубые и неточные формулировки, но одновременно признает, что в фельетоне содержится правильный сигнал об имеющихся среди работников института нездоровых элементах склоки. Дирекция института примет меры к

ликвидации подобных явлений». *(Отрываясь от письма.)* А дальше — подтверждение того, о чем я уже говорил здесь на основании ранее полученных писем. *(Читает.)* «Доцент К. И. Твердохлебов освобожден от заведования кафедрой в связи с перегрузкой».

Брыкин. Вы говорили, что освобожден за склоку.

Черданский. Видимо, в последний момент решили смягчить формулировку. Академические нравы. Не в этом суть.

Брыкин. Боюсь, что суть как раз в этом.

Черданский. Бояться никому не возбраняется, товарищ Брыкин. Только в панику впадать не надо. *(Продолжает.)* Так что, как мы видим, сигнал наш в общих чертах был верен, несмотря на некоторые допущенные Широковым неточности. Верно ли будет, в особенности после такого письма директора института, писать опровержение и признавать ошибки в деталях? Нет, потому что это будет прецедент! Каждый склочник, которого мы когда-либо покритиковали, поднимет голову и пойдет с опровержением. А в институте, вместо создания здоровой обстановки, как обещает дирекция, будет полное недоумение: кто же прав и кто виноват, — в то время как, повторяю, в общих

чертах правы мы, газета! Я думаю, это подтвердит и Широков, который не пожалел своего отпуска, чтобы поехать в Обнорск и на месте увидеть, что собой представляет Твердохлебов и вся эта история.

Дорохов. Что ж, товарищ Широков, послушаем вас!

Широков *(встает, оглядывает всех, несколько секунд растерянно молчит, как человек, не привыкший выступать на собраниях, потом смущенно улыбается).* Честное слово, не знаю, с чего и начать… Хотел написать, да не успел.

Черданский. С главного начинай — с Твердохлебова.

Широков. С главного? В общем-то, если по порядку, то я прежде не с ним, а с Андрюшиным познакомился и с директором института. Ну, да ладно. Если с Твердохлебова начинать, то о них — потом. Время, конечно, оказалось самое неудачное: лето — в институте почти никого не было. Твердохлебова тоже не было: он со студентами в тайгу на практику уехал. Как раз из-за этой практики у них там и последний скандал вышел. Но это — тоже потом. Я ведь, главным образом, поехал посмотреть, что за человек — Твердохлебов…

Брыкин *(перебивая).* Василий Степанович, может, поближе к делу? А?

Дорохов. Брыкин, не сбивай человека!

Широков. В общем, я тоже в тайгу полетел. И нашел там Твердохлебова. Принял он меня после моего фельетона, мягко говоря, неважно, чуть не в кулаки… *(Вдруг, подняв голову, восхищенно.)* Замечательный мужик! Ну просто замечательный мужик!

Дорохов *(обманутый в своих ожиданиях, раздраженно).* Однако быстро же вы меняете свои позиции!

Широков. Да какие же позиции, Антон Андреевич? Просто глупость была, а не позиция. Самая настоящая глупость. И даже подлость. Я так ему прямо и сказал от имени газеты, что вышла подлость и мы виноваты перед ним.

Черданский. А ты бы от лица газеты не торопился говорить! На это тебя никто не уполномочил!

Дорохов. Вот именно.

Широков *(Дорохову).* Что касается газеты, если поторопился — прошу извинить. Это вам решать! Но что касается меня, то я своих слов обратно не возьму! Мне одного дня довольно было, чтобы увидеть, как к этому человеку студенты относятся, как они готовы за него в огонь и в воду! А

я целых две недели, до конца практики с ними прожил. Меня теперь никто не собьет! Никакие Андрюшины! Ну до чего же мелкое насекомое, просто в микроскоп рассматривать надо. А ведь жалит! А директор — тоже хорош! Может, в других делах и не вовсе дрянь, но до того ласку любит, что если его подлец приласкает, он подлецу памятник поставит. А если ему хороший человек нагрубит, он хорошего человека живьем утопит! *(С увлечением.)* Ведь дело-то началось из-за чего? Твердохлебов — человек грубоватый, характер тяжелый, слова у него, как булыжники, особенно, если дело до принципа доходит. Но зато — ученый! И душа-человек! Директору прямо на ученом совете заявил: были вы когда-то ученым — были да прокисли, пора старые лавры на суп отдать и садиться новые труды писать. А Андрюшина просто бездарностью назвал, — что и есть святая правда! Ну, они, конечно, ему этого не простили, — и заварилась каша. Придрались к тому, что он через их голову студентов не на «подножный корм», где поудобнее, а на настоящую практику в тайгу с собой взял. Обрадовались, что далеко уехал, и пошли строчить! А тут и автор для фельетона как раз нашелся. *(С яростью стукнув себя по лбу.)* Дурак!

Дорохов. Уж что-то больно вы распинаетесь! Если рассчитываете на поблажку, так расчет напрасный.

Широков. Что я не подлец, доказывать вам не буду. Разрешите закончить?

Дорохов. Заканчивайте.

Широков *(махнув рукой).* А, собственно, что заканчивать? Стыдно… Урок на всю жизнь! А за то, что газету подвел, — заслуживаю любого наказания. Оправданий нет. *(Садится.)*

Дорохов. Кто хочет высказаться?

Брыкин. Разрешите мне.

Дорохов. Пожалуйста.

Брыкин. Я внимательно изучил все документы, а также связался с райкомом партии Обнорска — с чего и стоило бы начать работу над фельетоном товарищам Черданскому и Широкову. *(Поворачивается к Дорохову.)* И уж, во всяком случае, проверку его, товарищ Дорохов. Опытный клеветник принес в редакцию две папки, казалось бы, архиубедительных материалов против ставшего ему поперек дороги честного человека. А редакция в лице Черданского и Широкова решила пойти навстречу клеветнику. У Черданского, видите ли, как он тут нам объяснял, не хватало острых «материальчиков»!.. А Широков бесприн-

ципно согласился писать фельетон, не проверив обстоятельств дела. Таков первый этап. За ним наступает второй — самый позорный. Приходят протестующие письма: одно, второе, третье. Вы тут ссылались на свое чутье газетчика, товарищ Черданский. Чутья у вас достаточно. А вот совести — не хватило! И вы, чтобы поставить на своем, не в интересах газеты, а, скажу прямо, ради того, чтобы не подмочить свою репутацию, скажу еще прямей, чтобы в обкоме не раздумали утвердить вас ответственным секретарем, вы стали выискивать всюду, где только могли, недоброжелателей Твердохлебова. У такого непримиримого человека они, конечно, всегда бывают. И вот вы набрали целый мешок этого мусора и до сих нор трясете им перед нами и говорите, что вы в общих чертах правы!

Черданский *(взмахнув папкой).* Я опираюсь на документы!

Брыкин. Вот именно, что опираетесь! А правда в костылях не нуждается! Да, в общих чертах в институте есть элементы склоки, это верно. А, в частности, вы назвали склочником не того человека, которого надо было назвать. Вот вам оно, ваше «в общих чертах»! Какие выводы? Во-первых, не откладывая ни на один день, ис-

править ошибку газеты и восстановить доброе имя человека! Во-вторых, Черданский тут только что в своей речи, по-моему, совершенно ясно еще раз показал нам, что у советской печати и у него — разные принципы! Она не подходит для него, а он — для нее. Что касается Санникова, то он всего полгода в редакции, работник еще зеленый. Черданский со своим умением пустить пыль в глаза заставил его в этом деле плясать под свою дудку. Стыдно, но думаю — еще поправимо. *(Санникову.)* Поскорей забудьте все, чему учил вас Черданский, и без барства пойдите и посидите год-два на читательских письмах в отделе у товарища Крыловой. Это вам будет полезно. Может быть, там наберетесь настоящего ума-разума. Теперь о Широкове. Он не мальчик, и если бы он стал сейчас на позицию Черданского, я бы, например, не мог дальше работать с ним. Но он честно помог нам восстановить тяжелую для него, как для автора фельетона, истину, и поэтому я верю — он может и должен загладить свою вину, работая здесь рядом с нами! Наконец, я не знаю, что скажет Антон Андреевич, но и наша с ним вина большая. У нас на глазах появился этот фельетон, у нас на глазах позорным путем пошло его расследование. Я, в частности, несу ответственность за то, что мы не

разобрались с этим делом по крайней мере на полмесяца раньше.

Дорохов. Кончил?

Брыкин. Кончил.

Дорохов. Хотел вместе с Акоповым высказаться после всех, но *(Брыкину)* в связи с твоим неверным выступлением придется подать реплику. Во-первых, о себе. Напрасно тут товарищ Брыкин говорил, что мы с ним напечатали фельетон и мы с ним вели расследование, как он выражается, позорным путем. Я с себя на других ответственность сваливать не привык. Вам, товарищ Брыкин, с самого начала не особенно нравился этот фельетон, и я это помню. И расследование без вас началось, так что и здесь главный ответ на мне. Это — о себе. *(Встает.)* Теперь о других. Тут товарищ Брыкин, очень строгий в оценке Черданского, оказался либералом в оценке других. Черданского мы, разумеется, выметем железной метлой. Но этим мы не ограничимся, как думает товарищ Брыкин! Санникову не пять лет. Он вуз кончал! Пусть отвечает за свои поступки. Нам не нужны люди, которые, как пешки, готовы делать что угодно, по заданиям Черданских! А что касается Широкова, то тут, как видно, товарища Брыкина просто подвели приятельские отношения. Областная газета

будет перед сотней тысяч читателей признавать, что фельетон Широкова — клевета! Так или не так? А в свете этого — признал или не признал Широков свои ошибки — факт его личной биографии и только! Мы не будем держать в редакции человека, чья фамилия стояла под клеветническим фельетоном. С такими людьми цацкаются либералы… Я с такими людьми привык расставаться! *(Садится.)*

Широков молча встает, поворачивается, идет к двери.

Широков!

***Широков** уходит.*

Вот он — весь, как на ладони!

Крылова *(вставая).* Я прошу слова.

Дорохов. Говорите.

Крылова. Почему вы решили избивать кадры, товарищ Дорохов?

Дорохов. Поосторожней с формулировочками!

Крылова. Нет, это вы поосторожней с людьми! Почему вы при первой же ошибке ставите крест на таком молодом работнике, как Санников? Что ж он, по-вашему, уйдет отсюда и нигде не будет работать? Будет! А вы хотите сбыть его с рук — пусть другие с ним возятся, только бы не мы! А с Широковым… я просто ушам не верю, что

вы здесь говорили!

Черданский. Я думаю, что не только в речи товарища Брыкина, но и в вашей защитительной речи играют роль кое-какие личные отношения.

Крылова. Не утруждайте себя намеками. После того как говорил здесь Широков, мне не стыдно сказать, что я люблю этого человека. Я готова выйти замуж за этого человека *(поворачивается к Дорохову, с вызовом)* и, между прочим, независимо от того, уволите или не уволите вы его из редакции. И еще имейте в виду: я как коммунист буду бороться до конца против вашего решения уволить Санникова и Широкова, потому что это решение неверное!

Дорохов. Ну, это мы еще посмотрим!

Крылова. Неверное, потому что оно принято не ради пользы газеты, а ради вашей личной перестраховки…

Дорохов. Еще чего?

Крылова садится.

Кто еще просит слова?

Санников *(встает).* Если только я останусь в нашей газете, то я обещаю товарищам, что буду работать так честно, так изо всех сил, как никогда. В общем, поверьте мне!.. Я… я…

Дорохов *(нетерпеливо).* Ну ты, ты, что даль-

ше-то?

Санников *(сбитый этой репликой, подавленно).* Все… *(Садится.)*

Дорохов *(стараясь сохранить выдержку).* Ну что, товарищ Акопов, будем закруглять? Твое слово.

Акопов *(начинает говорить медленно, с подчеркнутым спокойствием человека, заранее решившего не горячиться, чего бы это ему ни стоило).* Вопрос настолько большой и принципиальный, что, наверное, нас еще позовут на бюро обкома. Речь идет не просто об ошибке: речь идет о моральном облике советского газетчика. Товарищ Черданский, вы тут много говорили о защите авторитета газеты, что, дескать, надо бы исправить ошибку, да авторитет газеты не позволяет. Замарали честь советского человека — авторитет советского общества требует, чтобы эта честь была восстановлена открыто, быстро, у всех на глазах. И вдруг оказывается: авторитет газеты этому мешает! Оказывается, авторитет советского общества — это одно, а авторитет газеты — другое! Вы, товарищ Черданский, не только на практике проявили себя как карьерист. Вы под свой карьеризм еще и теоретическую базу подвели. Есть у нас еще такие люди: пока его

личные интересы совпадают с общественными — все ничего, живет рядом с тобой человек, как человек. Но стоит ему попасть в обстоятельства, когда обществу нужно одно, а ему — другое, когда ради правды надо поступиться своим шкурным интересом, — он вдруг такое выкидывает, как будто это и не человек вовсе, а одно сплошное родимое пятно капитализма! Такие люди, чем они дальше от газеты, тем спокойнее читателям. И тут я вполне согласен с редактором, что надо поставить перед обкомом вопрос о снятии Черданского с работы. Санников и Широков по своим должностям не входят в номенклатуру обкома, и вы, товарищ Дорохов, формально вправе освободить их от работы единоличным решением. Однако я бы на вашем месте подумал, отвечает ли это ваше решение взглядам партии на то, как надо работать с кадрами. Вы сказали, что привыкли так расставаться с людьми! А партия не привыкла так расставаться с людьми!

Дорохов *(вдруг сорвавшись).* Вы меня партийности не учите! Прежде чем вас секретарем утвердить, в райкоме, между прочим, и моего совета спрашивали. Так-то!

Акопов. Так или не так, но я и другие присутствующие здесь коммунисты не согласны ни с

вашим решением уволить Санникова, ни тем более Широкова. Да, он виноват, но он честный человек! Да, его уход отсюда говорит о его партийной невоспитанности, но вы же сами показали ему на дверь! *(Вдруг, потеряв все свое спокойствие, громко и сердито.)* Я никогда не соглашусь! Здесь не соглашусь, в обкоме не соглашусь, в ЦК, если надо, поеду!

Дорохов. Все?

Акопов *(снова спокойно).* У меня все. *(Садится.)*

Дорохов *(встает, откашливается и опирается обеими руками о стол).* Тогда разрешите…

Черданский *(вскакивает и перебивает его).* Нет, не все! Позвольте два слова!

Дорохов. Хватит, наговорился!

Черданский. Нет, уж позвольте! *(Жестом взывает к собравшимся.)* Товарищи!

Дорохов. Ну, давай, только покороче!

Черданский. Я тут все время сидел, слушал и думал — может быть, и мне есть смысл покаяться? Но потом, после речи товарища Дорохова, решил, что — нет! Если решено меня прорабатывать — ну что ж… Козел отпущения может обойтись без последнего слова. Метлой — так метлой! Только уж как-то больно легко вы меня вымели, товарищ Дорохов! Честно говоря, не

ожидал! Сидеть по шестнадцать часов за вас — это и Брыкин будет. А вот ваши статьи писать за вас — он ведь не станет! Я-то, может, где-нибудь найду себе другого такого, как вы, а вот найдете ли вы себе другого такого, как я?

Пока говорит Черданский, Дорохов стоит все в той же выжидательной позе, продолжая опираться руками о стол, только лицо его приобретает все более растерянное выражение. Вслед за последней фразой Черданского наступает секунда мертвой тишины, и вдруг Дорохов произносит неестественно бодрым тоном, как будто он и вставал только затем, чтобы сказать эти слова.

Дорохов. На этом сегодня закончим, товарищи!

Первым быстро уходит ***Черданский****. За ним, недоуменно переглянувшись, —* ***Крылова*** *и* ***Брыкин****.* ***Катя*** *догоняет в дверях* ***Санникова*** *и, крепко сжав его руку и держа ее в своей, уходит вместе с ним. За столом остаются Дорохов и Акопов.*

Акопов. Что же это ты, Антон Андреевич, так вдруг закрыл? Ведь неприлично.

Дорохов *(махнув рукой).* А-а! прилично, неприлично… *(Яростно.)* Оплевал, подлец!

Акопов. Так встал бы и сказал ему… Или это

правда?

Дорохов. В общих чертах — правда. *(Снова яростно.)* Но ведь сам же лез, сам же втирался, мерзавец: «Вы не тратьте времени, вы только общие мысли мне дайте, — а я уж разовью!» Развил! *(Акопову.)* А ты тоже хорош! Выступил против меня, создал такую атмосферу, в которой, ясно, всякая дрянь готова голову поднять! Хоть бы подождал, в обком бы сходил, посоветовался, прежде чем противопоставлять себя руководству.

Акопов. Ты же не подождал, не посоветовался? Ты будешь на глазах у коллектива людям хребты ломать, а я буду ждать да советоваться?

Дорохов *(после долгого молчания, встав, пройдясь по комнате и пересев за свой редакторский стол).* Ладно. Ты вот что мне лучше скажи — все-таки десять лет вместе работали, и не одно плохое ты от меня видел, — скажи, как, по-твоему, оставят меня в редакторах после всей этой истории? Только прямо!

Акопов. Если прямо, то — спросили бы меня — я бы тебя в редакторах не оставил.

Дорохов. Это почему же?

Акопов. А потому, Антон Андреевич, что обленился ты, а такие, как Черданский, в этих случаях

всегда тут как тут. Для редактора, который начинает руководить в общих чертах, такой человек — самый удобный: «Идите домой, вам пора отдохнуть, я тут за вас все сам сделаю».

Дорохов *(угрюмо усмехнувшись).* Как будто подслушал!

Акопов. А Брыкин тебе тоже, по-своему, плохую службу сослужил. Он такой: на него хоть два воза грузи — все равно повезет! Вот ты на него два воза и нагрузил — и его и свой. Он их и везет оба — везет и растет, растет и везет. И знаешь, что я тебе скажу, Антон Андреевич? Пора тебе на самостоятельную работу переходить!

Дорохов *(ошеломленно).* Что значит, на самостоятельную?

Акопов. А чтобы ты все сам, самостоятельно делал, без заместителя. А трудно без заместителя — возьми работу поменьше, по силам. Ты ведь прямоты у меня просил.

Дорохов. Не такой прямоты я от тебя ждал, Константин Акопович!

Акопов. А какой Антон Андреевич? Такой, что ли? *(Проводит в воздухе рукой волнистую линию.)* Так я ведь не Черданский.

Дорохов. Ну, а я тебе тоже не Черданский, а пока еще редактор. *(Грубо.)* И иди-ка ты, пожалуй-

ста, отсюдова со своей прямотой к себе в отдел, по месту назначения. Оставь мой кабинет, пока я тебе по своей прямоте тоже чего-нибудь не сказал!

Акопов *(спокойно).* И не стыдно?

Дорохов. Нечего мне стыдиться! Мы еще с тобой на бюро обкома поговорим! Развели тут против меня склоку!

Акопов. Ну что ж, поговорим! *(Вдруг усмехнувшись.)* Только, как опытный склочник, предупреждаю: Твердохлебова в обиду не дали и себя не дадим! *(Выходит, резким движением настежь отворив дверь.)*

Многочисленные бумаги на столе у Дорохова от сквозняка вспархивают с места. Дорохов прихватывает руками сначала одну, потом другую, третью и, наконец, силясь удержать их все сразу, грудью наваливается на стол, словно обнимая его на прощанье.

Картина пятая

Комната Широкова. Два окна. На подоконниках — самые разные предметы обихода. Небрежно застланная койка, у стен — два чемодана, третий — около двери. В дверь забиты гвозди, на них висит одежда. Маленький письменный стол, на нем стопка выстиранного белья. Посредине комнаты на единственном стуле сидит ***Твердохлебов****, здоровенный мужчина средних лет, грубоватого вида, в высоких сапогах, старых военных бриджах и кителе без погон. Он курит и скучает. Входит* ***Дима*** *— коренастый десятилетний мальчик. Останавливается у порога и долго смотрит на Твердохлебова.*

Дима *(строго)*. Что вы тут делаете?

Твердохлебов. Курю. А что, нельзя?

Дима. Можно. А вас дядя Вася пустил сюда?

Твердохлебов. Пустил.

Дима. А где он?

Твердохлебов. Ушел.

Дима. Как же так? Бабушка сказала — он только приехал, а он уже ушел!

Твердохлебов. Бывает. Вернется.

Дима. А вы военный?

Твердохлебов. Был.

Дима. Отчего же вы в военном?

Твердохлебов. Удобней, когда много хожу.

Дима. А вы много ходите?

Твердохлебов. Много.

Дима. А зачем?

Твердохлебов. Надо. Я геолог. Знаешь, кто такие геологи?

Дима. Конечно.

Твердохлебов. Хожу, смотрю, где что лежит: где железо, где медь, где уголь.

Дима. А потом там, где вы ходите, будут шахты, да?

Твердохлебов. Да уж не без этого.

Дима. А зачем вы сюда приехали?

Твердохлебов. Сюда-то? Жаловаться. С работы меня выгнали. Вот какие дела!

Дима. Дисциплина хромала, да?

Твердохлебов. Да вроде нет. Дисциплина была ничего, подходящая. Шумел иногда. Это правда.

Дима *(понимающе).* И у меня в последней четверти тоже так было. *(Вздохнув.)* Бабушку вызывали.

Твердохлебов. Да… А у меня, понимаешь ты, бабушки нет. Вот сам приехал объясняться. Ну, да ничего, как-нибудь объяснимся. Кончишь шко-

лу, приходи ко мне в институт учиться. Будешь геологом.

Дима. Нет, я хочу быть журналистом, как дядя Вася.

Твердохлебов. Ну вот еще сказал — журналистом!

Дима. А чего?

Твердохлебов *(чуть заметно улыбнувшись).* Они люди опасные.

Дима. Неправда, дядя Вася замечательный.

Твердохлебов. Ну, не такой уж он, положим, замечательный, твой дядя Вася. *(Увидев расстроенное лицо Димы.)* Но, в общем, ничего, неплохой человек. Я согласен.

Дима. А сколько у вас орденов за войну?

Твердохлебов. Два.

Дима. А у него три. *(Назидательно.)* Понятно?

Твердохлебов. А у меня еще два — за мир, а у него нет. Ну, что скажешь?

Дима. А у вас где ордена?

Твердохлебов *(кивнув на чемодан, стоящий у двери).* Там у меня черный костюм, а на нем ордена. Костюм поглажу и при всех орденах ругаться пойду.

Дима. С кем?

Твердохлебов. Да уж я найду с кем!

Дима. А вы гладить сами умеете?

Твердохлебов. Я все сам умею.

Дима. Эх, жалко, мне идти надо.

Твердохлебов. А чего жалко-то?

Дима. Поговорили бы еще. *(Идет к двери, вдруг вспоминает, поворачивается.)* До свидания.

В это время за его спиной появляется ***Широков****. Повернувшись, Дима наталкивается на него.*

Дядя Вася!

Широков, приподняв, обнимает его.

Где вас только черти носят?

Широков. Что?

Дима. Это так бабушка про вас говорила. Она без вас скучала. И я. А мама — нет.

Широков. А мама — нет?

Дима. Я ее спросил — ты скучаешь по дяде Васе? А она говорит — нет. Но я думаю, она нарочно. *(Спохватившись.)* Мне пора. А то если Гошка Акопов вместо меня в воротах станет, — за первый тайм десять голов пропустит, самое маленькое. Я вернусь, мы с вами еще поговорим. Ладно?

Широков. Ладно!

Дима *убегает.*

Твердохлебов. А любит вас парень.

Широков *(задумчиво).* И я его.

Твердохлебов. Ну, были в редакции, рассказа-

ли там, что за птица этот Твердохлебов?

Широков. Рассказал, Кронид Иванович.

Твердохлебов. Поверили?

Широков. Поверили.

Твердохлебов. А почему у вас лицо кислое?

Широков. Придется уходить из редакции.

Твердохлебов. Это почему же? Рассказали ведь все по-честному?

Широков. Рассказал-то я по-честному, да редактор не по-честному к этому отнесся. В общем, сам перестраховался, а меня — поганой метлой, каленым железом, и так далее.

Твердохлебов. Ну, он, — а другие?

Широков. А других я не слышал. Повернулся после его речи и ушел.

Твердохлебов. То есть как это повернулся?

Широков. А так, по-военному, налево — кругом!

Твердохлебов. Нет, это не по-военному. По-военному на удар — ударом!

Широков. Черт с ним, все равно теперь мне уже с этим редактором не работать.

Твердохлебов. То есть как это не работать? Хорош бы я был, если б решил, что мне после вашего фельетона со своим директором института не работать. Не может вынести, чтобы я у

него кафедрой заведовал, так пусть уходит, я его не держу! Зачем такому спину подставлять? Ну, пускай даже ты виноват, а убивать-то тебя зачем? Для ровного счету, что ли?

Широков *(вдруг улыбнувшись).* Ничего. На войне не померли, и тут не убьют! *(Улегшись на кровать, запевает себе под нос.)*

От Москвы до Бреста
Нет такого места,
Где бы не скитались мы в пыли.
С лейкой и с блокнотом,
А то и с пулеметом,
Сквозь огонь и стужу мы прошли!
Так выпьем за победу,
За свою газету,
А не доживем, мой дорогой, —
Кто-нибудь услышит,
Снимет и напишет,
Кто-нибудь помянет нас с тобой...

(Слезает с кровати.) Ничего, как-нибудь переживем!

Твердохлебов. Еще бы нет! Конечно, переживешь! Мне, что ли, за тебя переживать? У меня

еще своих переживаний впереди достаточно. На кафедре восстановиться — раз! Андрюшина на чистую воду вывести — два! С директором раз навсегда доругаться, — чтоб туда-сюда не качался, — три! И четвертое дело: надо и вашему редактору объяснить, что хороших людей только дураки до смерти убивают.

Широков. А вот это уж лишнее. С этим я и один разберусь!

Твердохлебов. Один! Тоже сказал — один! Не знаю такого слова и знать не хочу. Меня кое-кто одного хотел оставить — вы не дали! Тебя попробуют — я не дам! На руке *(сжимает руку в кулак)* и то пять пальцев, а советский человек, если хочешь знать, в конце концов, коли прав, никогда один не останется.

Входит запыхавшаяся ***Крылова****.*

Крылова *(на ходу).* Василий Степанович... *(Замечает Твердохлебова, останавливается.)*

Широков. Знакомьтесь, Вера Ивановна: товарищ Твердохлебов. *(Твердохлебову.)* А это Вера Ивановна Крылова — ваш первый защитник у нас в редакции.

Твердохлебов *(осторожно пожимая руку Крыловой).* Кронид Иванович.

Широков. Или, как его студенты говорят: Гра-

нит Иванович.

Крылова. Наверное, обижаетесь на нашу газету?

Твердохлебов. На людей обижался, а чтобы на всю газету обижаться, — до такой глупости не дошел. Что смотрите на меня? Думаете, такого и защищать не стоило? Он еще и сам других обидит? И неверно думаете! Я на вашу защиту, наоборот, надеялся.

Крылова. На мою?

Твердохлебов. На вашу. Вообще на то, что найдутся люди, которые до правды докопаются. Не один же, думаю, у них там этот Широков, черт его дери! *(Улыбнувшись и повернувшись к Широкову.)* Это я тогда думал. Теперь-то мы почти что друзья с ним, особенно если воспоминаниями не занимаемся. Очень рассчитывал, что защитите! Большое вам за это спасибо. Громадное. Вы что думаете, хорошо человеку на душе, когда ему надо доказывать, что он не верблюд? Нет на свете ничего тяжелее, чем самому себя защищать. Да и не у всякого плечи дюжие: иного в три дня согнут в три погибели, а потом три года разгибается — разогнуться не может.

Широков *(неуверенно посмотрев на Крылову).* Присаживайтесь!

Твердохлебов. Да у вас тут и садиться негде. Вижу, вы — хозяин аховый.

Крылова. Я на минуту… Мне надо обратно на работу…

Твердохлебов *(внимательно посмотрев сначала на нее, потом на Широкова).* Ну, ладно! Что мне папирос купить надо или что-нибудь в этом духе — не буду изображать, не артист. Я просто у вас во дворе посмотрю, как Димка в футбол гоняет. *(Направляется к двери.)*

Широков *(неуверенно).* Да что вы, Кронид Иванович!

Твердохлебов *(в дверях Крыловой).* Что, правильно поступаю?

Крылова. Правильно.

Твердохлебов. Вот именно. *(Уходит.)*

Крылова. Почему вы ушли?

Широков. А что мне было сидеть? По-моему, Дорохов достаточно ясно высказался. *(После паузы.)* Ну, неправ, что ушел. Что дальше?

Крылова. Вы что же, решили, что после редактора никто не выступит за вас? Не посмеет? Как вам не стыдно! Я чуть не заплакала с досады, когда вы ушли!

Широков. Ну, сказал, что неправ, даже виноват. А что дальше-то?

Крылова. А дальше люди все-таки выступили в вашу защиту. Хотя за ваш уход вас убить было мало!

Широков. А кто выступил?

Крылова. Все. И Брыкин, и Акопов…

Широков. И вы?

Крылова. И я.

Широков *(после долгого молчания).* Вернулся сюда и все думал, придете или не придете… Мне после слов редактора так горько стало… Знаете, как горько.

Крылова. Знаю. Потому и пришла. И еще потому, что — дура! Не поверила вам, когда уезжали. Черт знает, чего наговорила! Даже стыдно вспомнить.

Широков. Ну, что вы, ей-богу, есть о чем говорить!

Крылова. Молчите, я знаю, что говорю, — дура!

Широков. Хорошо.

Крылова *(строго).* Что хорошо?

Широков. Я говорю, хорошо, буду молчать.

Крылова. Ну, конечно, теперь вы будете молчать. Вам даже лень спросить, что я сказала о вас, когда вы ушли!

Широков *(быстро).* А что вы сказали?

Крылова. Не помню. Нет, неправда, помню! Черданский бросил реплику, что я защищаю вас из-за каких-то там наших личных отношений.

Широков. А вы?

Крылова. А я сказала, чтобы он не утруждал себя намеками, что я люблю вас и выхожу за вас замуж.

Широков. Так и сказали?

Крылова. Так и сказала.

Широков. Честное слово?

Крылова. Честное слово.

Широков. А ты понимаешь, что ты сказала?

Крылова. Я-то понимаю. Ты-то понимаешь ли?

Широков обнимает ее.

Что ты мне жестами объясняешь, ты словами скажи.

Широков. Понимаю. Ох, как понимаю! И ничего с этой минуты не боюсь! Потому что не один.

Открывается дверь, входит ***Брыкин****.*

Брыкин. А я думал, ты один…

Широков *(не выпуская Крылову из объятий).* А я не один!

Брыкин. Был у меня в дивизии одни капитан, говорил, что никогда не женится. Хороший был парень. Железный характер имел!

В дверях появляется ***Таня Брыкина****.*

Таня *(укоризненно).* Петр Петрович, обед на столе, а?

Брыкин, улыбнувшись, покорно поднимает руки над головой.

Занавес

1951–1954 гг.